Ковчег Марка

Автор:
Татьяна Устинова

Ковчег Марка

Татьяна Витальевна Устинова

Буран застигает в горах Приполярного Урала группу плохо подготовленных туристов, собравшихся в поход «по Интернету». Алла понимает, что группа находится на краю гибели. У них раненый, и перевал им никак не одолеть. Смерть, страшная, бессмысленная, обдает их всех ледяным дыханием.

Замерзающую группу находит Марк Ледогоров и провожает на таежный кордон, больше похожий на ковчег. Вроде бы свершилось чудо, все спасены, но… кто такой этот Марк Ледогоров? Что он здесь делает? Почему он стреляет как снайпер, его кордон – или ковчег! – не найти ни на одной карте, а в глухом таежном лесу проложена укатанная лыжня?

Когда на кордоне происходит загадочное и необъяснимое убийство, дело окончательно запутывается. Марк Ледогоров уверен: все члены туристической группы ему лгут. С какой целью? Кто из них оказался здесь не случайно? Марку и его другу Павлу предстоит не только разгадать страшную тайну, но и разобраться в себе, найти любовь и обрести спасение – ковчег ведь и был придуман для того, чтобы спастись!..

Татьяна Устинова

Ковчег Марка

© Устинова Т., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Алле Каргиной с уважением и любовью.

– Куда?! С ума сошел?!

Марк и ухом не повел, сунул ботинок в крепление. Привычно щелкнул замок, и он поболтал ногой, проверяя. Всё в полном порядке – как всегда.

– Нет, я не понял. Сдурел совсем?!

Марк нагнулся и поднял палки, которые завалились, когда он дрыгал лыжами, и только после этого оглянулся. Кузьмич стоял в двух шагах, от возмущения даже шапку свою знаменитую сдернул, снег падал на голову, не таял, и нападало его уже порядочно, холмиком.

– Ты бы лучше палки мои посмотрел, Кузьмич.

– Чего на них смотреть, я сто раз смотрел! А идти сегодня нельзя. Ты прогноза не слышал, чокнутый!?

– Шапку надень. Башку застудишь.

– Марк, твою мать, нельзя сегодня! Метеорологи три раза предупреждали!

– Мы с тобой дольше базарить будем.

– Да не надо со мной базарить, я сказал – не пущу!..

Из-за угла дома, вокруг которого метель уже намела небольшой сугроб, появился Вик и остановился в отдалении. Он не любил ссор и никогда в них не участвовал.

Марк толкнулся тихонько, слегка, просвистел рядом с Кузьмичом – тот неловко, как куль, шатнулся в сторону, как будто Марк на самом деле мог его задеть, – и выскочил на лыжню. Её было почти не видно, снег усиливался с каждой минутой, как будто марля колыхалась между деревьями. И ветер налегал всё ощутимей.

…Может, прав Кузьмич? Может, не ходить сегодня?..

Если бы тот не стоял у него за спиной, не притоптывал на месте от возмущения, не сдергивал с бритой головы шапку, может, он и не пошел бы, а так…

– Я на час, не больше.

– Да пропади ты пропадом в лесу этом! Связи, может, уже через пятнадцать минут не будет, кто тебя спасать пойдет?! Я не пойду, точно тебе говорю!..

Марк опустил на нос очки, толкнулся и пошел вполсилы, приноравливаясь к непривычным палкам. Вроде и скорость небольшая, а ветер сразу засвистел и заулюлюкал в ушах, острый снег заколол нос и щеки и как-то моментально стал забиваться под воротник. Не слишком приятно, и кожу теперь натрет до крови – ни умыться, ни побриться!.. Впрочем, какая разница.

Трассу он знал так, что мог пройти по ней ночью с закрытыми глазами, связанными руками и ни разу не ошибиться.

Он набрал скорость. Сейчас небольшой спуск с уклоном влево, потом короткий подъем, лощинка, очень неудобная, потому что в ней всё время заносит, и затяжная горка, которую нужно отрабатывать уже вовсю.

Марк контролировал дыхание, даже принялся считать, чего не делал почти никогда со времен розовой юности – раз, два!.. Рррраз, два! Чуть посильнее. Раз, два! Еще чуть нажать, вот так, хорошо!

Считал он потому, что в такую метель на самом деле еще не выходил ни разу, ему странно было, что он почти не видит лыжню, и это мешало, отвлекало от работы, которая только началась.

…Кузьмич постоял немного, глядя под горку в лес. Никого и ничего уже не было видно, только снег сыпал прямо перед глазами и хотелось отдернуть его рукой, как занавеску. Потом посмотрел на часы, поднеся запястье почти к носу.

Будем надеяться, что за час лыжню не засыплет окончательно. Чего там надеяться, когда ясно, что засыплет!.. Большой ладонью он крепко отер голову, напялил шапку, немного подумал, не плюнуть ли вслед, и плевать не стал.

Кузьмич был суеверен, хотя никому и никогда в этом не признавался.

Темная громада лиственничного дома, казалось, покачивается из стороны в сторону за пеленой только расходившейся метели, а лес за ним совсем пропал, сгинул, не стало его.

Головой вперед, раздвигая метель, Кузьмич пошел к высокому, в несколько ступенек, крыльцу под резным затейливым навесом. Неопределенная тень приблизилась и остановилась в отдалении.

– Чего ты там мнешься? – спросил Кузьмич, не оборачиваясь. – Ушел, да. А я чего могу?!

От двери он все же оглянулся. Тени не было, исчезла.

Он вошел в просторные сени, и, не отряхиваясь и не раздеваясь, рванул вторую дверь. Оттуда сразу пахнуло теплом и привычными запахами, кажется, даже где-то музыка играла. Марк, что ль, забыл выключить?..

В просторном помещении было совсем темно, несмотря на то что на улице вроде день, и от этой темноты кромешной Кузьмич окончательно и сильно рассердился.

…А что, свет нельзя зажечь?! Так и будем впотьмах ковыряться?

В глубине коридора показалась высокая фигура в домашних пимах и расшитом свитере.

– Ушел! – гаркнул Кузьмич, как будто фигура о чем-то его спросила. – Сказал, на час, не больше.

Он сдернул куртку, с которой капало, швырнул ее на пол и пошел по коридору в самую дальнюю комнату. У двери содрал шапку и запулил ею в куртку. Молчаливая фигура, сделав неуловимое молниеносное движение, на лету поймала шапку, потом подошла и подняла куртку.

Кузьмич медлил на пороге.

– Генератор бы надо проверить, – помолчав, молвила фигура.

– Без вас давно проверил!

– Карабины?

– В порядке карабины!

– Военных нужно предупредить.

– Ну, поучите меня, поучите!..

Фигура еще какое-то время маячила в коридоре, а потом канула неизвестно куда.

Кузьмич вошел в комнату, уставленную сложной аппаратурой, железными шкафами, ящиками и стеллажами. Почему-то она называлась «оружейной», хотя

из оружия в ней хранилась всего пара винтовок.

…Если дело так пойдет, свет вырубится самое большее минут через сорок. Хорошо, на прошлой неделе солярки завезли много, на какое-то время хватит. Кузьмич никому ни в чем не доверял – ни людям, ни погоде, ни природе – и всегда делал запасы. Иногда его запасы разрастались до стратегических масштабов, из-за чего у них случались стычки с Марком, который был абсолютно уверен в себе и считал, что всегда найдёт выход из любого положения. Кузьмич же считал, что такая самоуверенность проистекает исключительно от молодости, с Марком старался не спорить, а запасы хорошенько маскировать.

Он прошагал к железному широкому столу, зачем-то посмотрел в окно – ничего не видно, только снег валит! – и стал по очереди включать тумблеры. Пульт отозвался, загудел утробно, как шмель, загорелись зеленые огоньки. Кузьмич дернул на себя продавленное кресло, покрытое какой-то неопределенной шкурой, сел и пристроил на бритую голову наушники – одно ухо выше другого.

– Орел, Орел, вызывает кордон «полста-три». Как слышите, Орел?..

В наушниках затрещало, как будто тряпка порвалась – почему в них всегда трещит?! И пятнадцать лет назад трещало, и десять, и сейчас трещит! А всё говорят – технологии, технологии! Вперед, мол, ушли технологии эти! Куда они ушли, если в наушниках как трещало, так и трещит до сих пор?!

В данную секунду Кузьмича злило всё, и технологии тоже.

– Орел, кордон «полста-три» вызывает, как слышно?..

– Слышу отлично, «полста-три», – отозвался из наушников далекий голос, прерываемый треском. – Ты, что ль, Кузьмич?..

– Я, я.

– Чего у вас?

– У нас человек в лесу. Ушел, – он мельком глянул на часы, – в двенадцать часов четырнадцать минут в направлении Галыгина. Штатно должен вернуться

в тринадцать пятнадцать. Слышишь меня, Орел?

Треск в наушниках, и больше ничего.

– Орел, как слышно, прием?

– Кузьмич, вы чего там? Обалдели?! – грозно спросили сквозь помехи. – Штормовое предупреждение еще когда объявили! Башки, что ль, ни у кого нет?! Шутки, что ль, тут все шутят?!

Кузьмич старательно прожевал длинную матерную тираду, не предназначенную для радиоэфира, а предназначенную как раз для ушедшего в сторону Галыгина Марка. Прожевал, а в микрофон сказал:

– Орел, в случае нештатной ситуации связь в пятнадцать ноль-ноль.

– Принял, кордон «полста-три», вашу мать! Только вас нам не хватает, вашу мать!.. Прогноз по ветру знаете?

– Знаем.

– В вашем районе группа туристов со вчерашнего дня на связь не выходит. От Васюганской горки на восток вышли в сторону Тугаринских сопок и пропали, мать их, козлы!.. Ты там посматривай, Кузьмич!

– Есть, принял.

– У тебя соляра в достатке? Перевал закрыли.

– В достатке, Орел. До связи.

– До связи, кордон «полста-три».

Кузьмич сдёрнул наушники, зацепил одним «ухом» за край железного стола и еще посидел немного.

…Попробуй останови его, если он что себе в голову заберет! Он заберет, а Кузьмич – валяй, разгребай! Эмчеэсовцам звони, объясняй, по шее получай! А самое главное – сиди вот теперь, жди.

Жди и гадай – вернется или нет.

Жди и думай – дойдет или пропадет.

Жди и молчи – скулить или материться вслух запрещено.

…Марк стал тем, кем стал, только и исключительно потому, что остановить его не было никакой возможности, что бы он ни забирал себе в голову. Кузьмич знал это его качество, уважал и считался с ним, но – твою мать! – хоть иногда-то нужно прислушиваться к тому, что старшие говорят!

Свет замигал, но не погас. Кузьмич выключил станцию, вышел в коридор, где по-прежнему было темно, разыскал на вешалке пуховик, который давеча швырнул на пол, и нахлобучил шапку. Снаружи возились, что-то глухо стукало о пол. Он толкнул дверь и вышел в сени.

Наружная дверь была распахнута настежь. Безмолвная фигура, по самые глаза закутанная от лепившего снега, молча и сосредоточенно складывала вдоль лиственничной стены дрова. Кузьмич обошел ее и сбежал с крыльца, оскальзываясь на заметенных ступенях. Перед крыльцом под навесом стояли деревянные сани, доверху нагруженные поленьями. В несколько приемов Кузьмич перекидал тяжелые сырые дровины на крыльцо.

– Вик следом ушел, – проинформировала фигура без всякого выражения.

– Хорошо.

Он пошел вокруг дома – ноги вязли в снегу, и дорожки почти совсем замело, – дошел до того места, откуда вроде бы начиналась лыжня, остановился и посмотрел.

Никого и ничего. Только взбесившийся снег.

От леса, который был в той стороне, куда ушел Марк, потихоньку поднимался странный и ровный гул – ветер усиливался, не ошиблись метеорологи. Впрочем, это из телевизора вечно про погоду глупости говорят, а военные почти никогда не ошибаются.

Кузьмич повыше подтянул «молнию» и застегнул «липучки» на воротнике, который сразу закрыл всю нижнюю половину лица, как маска. Воротник был мокрый от снега, противный.

Он вернулся к дому и проверил морской канат, протянутый по всему периметру через металлические кольца. Когда поднималась серьезная пурга, ходить можно было только так, держась за канат. Два шага в сторону, и всё, пропадешь. Мозг, вовлеченный в буйство метели, моментально теряет направление, можно уйти в сторону и замерзнуть в ста метрах от собственного дома. Сколько таких случаев бывало!..

Стараясь не смотреть в метель, за которой был лес, а в лесу Марк, Кузьмич дошел до ангара. Загремела металлическая дверь, зажглись под потолком мощные лампы.

Здесь помещались два снегохода, широченный, мощный ратрак и небольшой тракторишка, на котором ездили в распутицу. В углу был резервный генератор, на случай если откажет основной, стратегические запасы солярки, о которой не знал Марк, и тьма всяких секретных станков и приспособлений, необходимых Кузьмичу для его работы.

Иногда, пребывая в хорошем настроении, Марк называл Кузьмича Мерлином и решительно отказывался объяснять, кто такой этот самый Мерлин есть!..

Погладив ратрак по красному полированному боку, Кузьмич зашел за него, достал из металлического ящика несколько фальшфейеров и, сердито сопя, рассовал их по карманам. На полке в ряд стояли фонари, от огромных, напоминавших переносные прожекторы, до маленьких, карманных. Кузьмич нацепил поверх шапки налобную лампочку, прихватил с собой еще одну и самый большой фонарь.

Больше в ангаре делать было нечего.

Кузьмич вышел, сильно прихлопнул дверь и заложил перекладиной, чтобы ее не распахнуло ветром.

Лес под горой уже не стонал, а гудел, грозно, трубно.

…Вернись, мысленно велел Кузьмич Марку. Ты ж не дурачок малолетний, а взрослый, умный мужик!.. Видишь, чего творится!

И с надеждой вновь посмотрел туда, где вроде бы еще утром была лыжня. Ничего и никого не было видно, и он двинулся дальше, на ходу проверяя металлические вешки с натянутым морским канатом.

В его собственном доме было совсем темно и тихо, пахло парафином и лыжной мазью, самый лучший запах на свете. Дом состоял из трёх комнат – на кой ляд ему одному столько, непонятно, только уборки больше, но Марк так решил. А если он чего решил, с места его не сдвинешь!.. Одна называлась какая-то гостиная – на кой ляд ему гостиная, кто у него гостит-то! – а еще спальня и столовая! У всех нормальных людей кухня бывает, а у него столовая!

На кой ляд ему столовая…

Он замер посреди этой самой столовой и проворно сдернул с головы шапку.

Показалось или нет?..

Еще секунду он прислушивался, потом выскочил за дверь и помчался к большому дому. На горке поскользнулся, чуть не упал и, трудно дыша, подбежал к высокому крыльцу.

Безмолвная фигура, закутанная по самые глаза, выступила из метели ему навстречу.

– Там, – сказала она и показала в лес.

– Точно?

– Со стороны Галыгина.

И оба замолчали, прислушиваясь.

Лес гудел, и ничего нельзя было расслышать в его вое.

Кузьмич поднялся на крыльцо – никаких дров уже не было в сенях, – добежал до «оружейной», включил и настроил портативную рацию, зацепил ее за пояс и проверил, хорошо ли держится. В коридоре стянул унты, толкнул дверь в соседнюю комнату, где хранилось снаряжение, выбрал лыжи, палки и ботинки и стал обуваться.

Безмолвная фигура маячила в коридоре.

– Из чего стреляли? – обуваться было неудобно, Кузьмич говорил глухо.

– Из двустволки, похоже.

– Из нашей?

– Похоже, из нашей.

– Там какие-то туристы застряли, МЧС сказало.

Ответа не последовало.

Кузьмич нацепил на запястье компас, похожий на огромные уродливые часы, и потопал ногами, чтобы ботинки сели надежно.

– Давай.

Фигура молча протянула давно приготовленный рюкзак. В нем всегда держали аварийный запас: медикаменты, бинты, шприцы с обезболивающим. Сбоку приторочены складные волокуши, сработанные местным умельцем, – тащить пострадавшего, если придётся.

– Связь в пятнадцать.

Свет по всему дому мигнул раз-другой прощально и погас. Кузьмич зажег лампочку на шапке и вытащил лыжи и палки, сильно загромыхавшие по лиственничному полу.

– В той куртке запасные фальшфейеры. Ракетница где всегда.

Фигура опять промолчала.

Кузьмич вывалился на заметенное крыльцо, и черная тень метнулась ему наперерез. От страха, перехватившего горло, он задохнулся, и его качнуло назад.

– Вик?! Вик, ты вернулся?!

Волкодав припал на лапы, заскулил и пополз. Кузьмич, стараясь дышать, оглянулся на безмолвную фигуру.

– Поторапливаться нужно, – ровно сказала та, и спокойный, почти безразличный голос привел Кузьмича в чувство.

Он нацепил лыжи, погасил фонарь, от которого не было никакого толку, поглубже натянул шапку.

– Вик, вперед! Веди! Веди, Вик!..

Волкодав вскочил и потрусил, белый хвост мотался в метели, и этот хвост был единственной надеждой. Он должен привести, куда надо.

Туда, где стряслась беда.

Рацию Володя утопил в ручье еще утром. Кто ж знал, что на этом самом Приполярном Урале в это самое время года попадаются незамерзшие ручьи! Так не бывает просто потому, что не может быть!

Володя шел первым, провалился, сломал лыжу и утопил рацию.

Пока его тащили, пока стягивали моментально задубевший ботинок, пока Алла Ивановна доставала из рюкзака сухие носки, а Сергей Васильевич бестолково суетился рядом, про рацию так и не вспомнили, а потом Марина сказала:

– Ребята, кажется, мы без связи остались.

И на это тоже особенного внимания не обратили!

Степан, бывалый и закаленный походник, утверждал, что только дураки и салаги ходят с рациями, информируют МЧС, согласовывают маршрутные карты! Опытные люди ничего этого не делают, потому что без толку. Никто не станет никого спасать, если что случится, а тогда зачем?.. Только связывать себя по рукам и ногам: МЧС пристанет как банный лист, возьмётся выяснять, какая у похода категория сложности, какая подготовка у группы, кто инструктор и какая у него квалификация, и пошло-поехало!.. Дальше Бронниц не пустят. Кому это надо?..

Володя тем не менее Степана не послушался, заявку в МЧС дал, и в самом начале похода у них вышла из-за этого почти ссора. Впрочем, они всё время ссорились, потому что Володя был руководителем группы, а Степан считал, что руководит он плохо, неумело.

– Как бы обморожения не было, – сказал Сергей Васильевич, с сомнением рассматривая побелевшую Володину ступню, которую Алла Ивановна растирала снегом. Все остальные бестолково топтались рядом, а никчемушная Женька по прозвищу Жужа сразу села в сугроб, разбросав палки, и закрыла глаза. – Может, лучше спиртиком?

– Спирта мало, – ответила Алла Ивановна, не прекращая растирать. – Только на одну ночевку.

– Да чего там ночевка! – вступил рыхлый и одышливый Диман, отправившийся в зимний лыжный поход на спор с кем-то. – Тут осталось всего ничего, если по карте! Вон за той сопкой уже Галыгино, и всё, конец нашим мучениям!

– С Севером шутки плохи, – заметила Алла Ивановна. Она недолюбливала Димана и изо всех сил старалась этого не показывать, но все видели.

Аллу Ивановну тоже недолюбливали, за десять дней она всем надоела. Во-первых, потому что старая карга, лет сорок, а то и больше – зачем потащилась?! Во-вторых, потому что на лыжах она шла лучше всех, быстрее всех ставила в снегу палатку, сноровисто варила в котелке гречку и умела растянуть плитку шоколада, выдававшуюся на ужин, на весь следующий день, а есть хотелось невыносимо. Алла Ивановна своим шоколадом подкармливала никчемушную Женьку по прозвищу Жужа и еще Марину, а больше никого, а хотелось-то всем! В-третьих, она никогда не возражала Володе, который руководил группой, но и не выполняла его указаний. Когда Жужа стала отставать, а это случилось примерно через пять минут после старта, Володя переставил ее в начало, сразу за собой – он шел первым. Но Жужа все равно отставала безнадежно, ее обходили, они плелась в хвосте, и Алла Ивановна, оценив ситуацию, пристроилась за ней, самой последней, и больше позицию не меняла, хотя Володя утверждал, что сильные всегда идут впереди, так положено по правилам. Степан с ним не согласился, и тогда они в первый раз поспорили всерьез.

– К вечеру дойдем, – бодро сказал Володя, которого перепугал ручей, и было непонятно, как теперь идти, на одной лыже!.. – Тут действительно рукой подать.

– Плохо дело, – помолчав, констатировала Алла Ивановна, поднялась с корточек и оглядела притихшую группу. – Марин, что ты про рацию говорила?.. Подмогу надо вызывать.

– Рация утонула.

– Не нужно никого вызывать, – тут же встрял Володя и тоже стал подниматься, Сергей Васильевич его поддержал. – Сами дойдем, чего тут осталось!..

– Сами мы точно не дойдем.

Никчемушная Женька по прозвищу Жужа валялась на спине и ела снег, зачерпывая его горстью. Опытный походник Степан молчал, смотрел на небо, которое что-то хмурилось. Марина думала про Володину ногу – хорошо бы шину наложить, но на это потребуется время, а ей почему-то казалось, что темнеет и нужно спешить, хотя до сумерек было далеко. Толстый Диман тосковал, потому что хотел есть, спать и домой, а Петечка придумывал, что именно напишет в своем блоге, как только кончится вся эта дурацкая канитель

с «испытанием себя».

Он напишет, что современный человек – двадцать первого века – даст сто очков вперед любому аборигену, который кичится своей дикостью, то есть способностью выживать. Человек двадцать первого века, вооруженный знаниями, технологиями, таблетками сухого спирта, карбоном, карбидом, бензольным кольцом, углепластиком или чем там еще, справится с любыми первобытными трудностями именно потому, что они первобытны, а он современен.

Петечка считал себя очень современным человеком.

Скорей бы только оказаться там, где есть Интернет и технологии! И еще ванна, полная горячей воды, кровать с одеялом, бутерброд с колбасой. Где есть батарея, от которой идет ровное сухое тепло, и не нужно разводить костер и стоять по щиколотку в луже растаявшего снега, подкладывая сырые трескучие ветки. Где можно выпить сколько угодно кружек чаю и кипяток не кончится – до похода на Приполярный Урал Петечке и в голову не приходило, что кипяток может кончиться, что его нужно экономить, беречь, и вот эта самая кружка с горячей водой, в которой плавают хвоинки, – одна, больше не будет. Её можно выпить, а можно из нее умыться, но она всего одна.

Петечка ни за что не признался бы себе – и никому! – как замучили его, современного человека, первобытные трудности, как он устал, промерз так, что по ночам ему казалось, что кости внутри его тела состоят из тяжелого льда, как ему хочется спать каждую минуту, с того самого мига, когда Володя фальшивым, нарочитым, отвратительно бодрым голосом объявлял на всю палатку: «Группа, подъем! Доброе утро!» и до самого вечера, до «отбоя», после которого Петечка трясся мелкой ознобной дрожью в своем спальнике и согревался только под утро, задремывал ненадолго, а тут уже ненавистное: «Группа, подъём!»

Он считал часы и минуты, оставшиеся до спасения, то есть до конца похода. Он шел, лыжи вязли в снегу, отталкивался палками, палки проваливались, и считал: впереди еще неделя, стало быть, семь дней, то есть сто шестьдесят восемь часов, не так уж и много. Десять тысяч с чем-то минут, ужасно много!.. Он смотрел на часы, чтобы засечь пять минут, и они длились и длились, и всё никак не заканчивались! Картинка перед глазами не менялась – все та же спина с рюкзаком впередиидущего вверх-вниз, вверх-вниз, вокруг всё то же белое

пространство до самого горизонта, до небес, ничего больше нет на земле, кроме этого белого пространства, и оно не кончится никогда! И впереди ничего нет, только работа, всё время работа, даже чтобы получить вожделенную кружку кипятку, придётся работать, ставить палатку, увязая по пояс, рубить и тащить дрова, разводить костер, топить снег в котелке, а сил уже нет совсем. Когда костер кое-как загорался, нужно было продолжать работать, шевелиться, двигаться, а Петечка не мог, ну совсем не мог!.. Он стоял над костром, который сильно чадил, дым ел глаза так, что приходилось то и дело сглатывать слёзы, свесив руки и ссутулив плечи, не отходил к товарищам, устраивавшим ночлег, ничем не помогал. Опытный походник Степан называл такое Петечкино стояние «полярной стойкой» и презирал его за слабоволие. Поначалу Петечку это злило, а потом ему стало всё равно.

Ему бы только дойти до этого ненавистного Галыгина, сесть в тряский, жесткий вагон, который тащит по одноколейке чумазый дизелёк, добраться до Ивделя, потом до Екатеринбурга, а оттуда до Москвы рукой подать, и можно будет написать в блоге, как он, Петечка, плевать хотел на все трудности и лишения, и выживание – вопрос технологий, а никакой не силы духа!..

В этот день до самого злополучного ручья он шел и придумывал будущий текст, и у него выходило хорошо, складно, и он всё боялся позабыть, так складно выходило!..

И это испытание напоследок – незамерзший ручей в промерзших до центра земли горах! – станет самой драматической частью его повествования.

В том, что они к вечеру доберутся до Галыгина и дизелька, у Петечки не было никаких сомнений, что тут идти-то!..

Оказалось, что идти Володя не может. Просто не может, и всё тут.

– Растяжение, – констатировала Марина, ощупав Володину ногу. – Может, и связки порваны, так не определить. Степ, срежь какую-нибудь палку. Придется всё-таки шину наложить. Жень, вставай, хватит валяться, замерзнешь.

Никчемушная Женька тут же прикрыла глаза, демонстрируя, что ни за что не встанет. Степан скинул с плеч рюкзак и на лыжах двинулся в сторону ближайших деревьев.

– Лагерь нужно разбивать, – сказала Алла Ивановна, переглянувшись с Сергеем Васильевичем, – и попробовать отремонтировать лыжу.

– Как ее ремонтировать-то? – издалека спросил Диман. Он стоял, наклонившись вперед, почти висел на палках, но рюкзак не снимал. Снять-то снимешь, а потом опять придется взваливать, тяжело и неохота, сил нет. – Она вон вся на куски разлетелась!

– Куски я соберу, – сказала Алла Ивановна решительно. – Попробуем склеить.

– Да чего там клеить?!

– Если получится, утром пойдем потихоньку.

Тут Петечка вдруг сообразил, что они всерьёз – всерьёз! – намерены устроить еще одну ночевку в тайге! Из-за какой-то сломанной лыжи и неведомого растяжения!

– Вы что?! – спросил он сразу у всех. – С ума сошли?! Какая ночевка, какой лагерь?! Идти надо, тут совсем близко!

– Идти мы не можем.

– Почему не можем-то?!

– Володя повредил ногу, – отчетливо и громко заявила Алла Ивановна, как будто Петечка был глуховат. – Мы даже не знаем, целы связки или нет. На одной лыже он не дойдет уж точно.

Сам Володя сидел на снегу, неудобно вытянув ногу, часть лица между шапкой и натянутым почти до глаз воротником куртки была даже не бледной, а какой-то зеленой, нос заострился.

Петечка посмотрел на него и по этому заострившемуся носу понял, что до Галыгина они точно сегодня не дойдут.

…Но как же так?! Ведь всё уже почти кончилось! Дотерпеть осталось совсем немного, а теперь получается, что… много? Что нужно дальше терпеть?!

Затрещали ветки, затюкал топор, и все оглянулись. Степана не было видно, только качались тоненькие деревца в отдалении.

– Может, в низинку попробуем спуститься? – Сергей Васильевич шмыгнул носом и показал куда-то в сторону. – Тут ветрено больно. А к ночи если разгуляется…

– Попробовать можно, – издалека отозвалась Алла Ивановна.

Они разговаривали друг с другом так, как будто знали нечто такое, о чем остальная группа понятия не имела.

– Нужно идти, – вдруг подал голос Володя, и Петечка подумал – слава богу, сообразил! А то расселся и сидит! Тут до Галыгина рукой подать! – Марин, ты мне правда шину наложи, и я пойду.

Алла Ивановна ничего не сказала, и Сергей Васильевич промолчал. Вернулся Степан с длинной дровиной, вдвоем с Сергеем Васильевичем они ловко расщепили ее пополам и еще пополам, и Марина стала прилаживать получившуюся шину.

Диман, поняв, что это дело долгое, скинул с плеч рюкзак, который беззвучно ухнул в сугроб, и тоже сел в снег на манер Женьки.

– Сходили бы пока за дровами, мужики, – посоветовала Алла Ивановна. – Самое время.

Этого Петечка вынести не смог:

– Зачем нам дрова, если мы дальше пойдем?! Мы их что, с собой понесем?

– Есть хочу, – сказала Женька специальным тоненьким голосом. За этот специальный «девочкин» голос Марина её ненавидела. – Хочу-у-у е-е-есть!

– Жень, вставай! – велела Алла Ивановна как-то так, что Женька стала подтягивать лыжи и подниматься. – Есть все хотят, терпи.

– Не могу я больше терпеть!

– Тогда не терпи, – разрешила Алла Ивановна почти весело. – Степ, возьми вон Диму, сходите за дровами!

– Так мы же в Галыгино решили идти! Володь, ты командир, скажи им!

– Мы пойдем дальше, – морщась от того, что Марина так и сяк крутила его ногу и налегала на неё, выговорил Володя. – Чтобы закончить маршрут сегодня.

– Вот именно!

– Хорошо, – согласилась Алла Ивановна так, как будто не соглашалась, в своей обычной манере, которая всем надоела.

Марина подергала шину, надежна ли – Володя дернулся от боли, – и тут выяснилось, что надеть на замотанную таким образом ногу ботинок нет никакой возможности.

Некоторое время решали, что делать – Алла Ивановна участия в этом не принимала. Аккуратно переступая лыжами, чтобы не съехать в предательский ручей, она собирала пластиковые обломки. Решили обернуть ногу запасным свитером, Володин рюкзак отдать Сергею Васильевичу. Степан и Диман с двух сторон поведут Володю, он пойдет между ними на уцелевшей лыже, а его палки понесет Марина.

Петечка беспокоился всё сильнее. Время шло, до Галыгина рукой подать, только вон за ту сопку перевалить – а не добраться, как до Луны.

Алла Ивановна ловко приторочила обломки Володиной лыжи к своему рюкзаку, отряхнула сзади Женькин комбинезон, как будто та была маленькой, подтолкнула её, чтобы встала впереди, улыбнулась Марине и приготовилась идти.

Сразу же, с первых метров, стало понятно, что идти нельзя.

На одной лыже Володя проваливался в снег, Степан его тащил, а Диман быстро выдохся, и опыта таких ситуаций ни у кого из них не было! Свитер на ноге как-то моментально размотался, приходилось то и дело его поправлять, отряхивать от снега, привязывать снова.

Сергей Васильевич сменил Димана, но тому пришлось взвалить на себя второй рюкзак, лыжи затрещали, и испуганный Диман бросил рюкзак в снег.

– У меня вес большой, – сказал он виновато, – сто кило с лишком…

Тогда рюкзак взял Петечка – что угодно, лишь бы дойти до Галыгина сегодня!.. Алла Ивановна помогла его приладить – на правое плечо лямка от его собственного рюкзака, на левое от Володиного, – и Петечка тут же завалился на спину, не устоял, так это оказалось тяжело.

Он завалился и вдруг увидел над сопкой солнце – красное, низкое, грозное. Это солнце не предвещало ничего хорошего.

Сделали еще несколько попыток.

– Нет, – в конце концов сказал Степан. Он тяжело дышал и облизывал губы. – Не выйдет ничего, мужики. Будем лагерь ставить.

– В низинку бы спуститься, – опять посоветовал Сергей Васильевич. – Ветер поднимается.

– Нужно идти, – повторил Володя, кажется, только для того, чтобы возразить Степану.

– Ну иди, – ответил Степан мрачно, сбросил рюкзак, вытащил топор и пошел в сторону деревьев, где Алла Ивановна и никчемушная Женька ломали ветки для костра, складывали в кучу и наломали уже довольно много.

Спустились на несколько метров, где, кажется, дуло чуть меньше, стали разбивать лагерь.

– У тебя обезболивающее есть? – негромко спросила Алла Ивановна Марину, когда поставили палатку и закрепили последнюю растяжку. – Сильное?

Марина кивнула. Ей было тревожно, как будто что-то страшное надвигалось и остановить его никак нельзя.

– Два ампулы.

– Ты ему сегодня не коли, – тихо посоветовала Алла. – У него сейчас нога разболится, это точно! Мы с Василичем попробуем лыжу склеить, на одной он не дойдет. Ты ему завтра уколешь, он какое-то время сможет двигаться. А сегодня не коли.

– Я сама разберусь, Алла Ивановна, – сказала Марина неприязненно. – Я врач.

– Погода мне не нравится, – продолжала Алла, не слушая. – И главное, связи нет! Вот угораздило…

– Что вы там всё каркаете?! – неприятным голосом спросил Петечка, услышавший, что «угораздило». – Тут до людей рукой подать! Вообще я считаю, что кто-то из нас должен пойти и привести подмогу! Это очень просто.

– Никто никуда не пойдет, – отрезал Володя. – Нога сегодня отдохнет, и завтра мы…

– Завтра будет только хуже, – встрял Степан. – И ты это прекрасно понимаешь. Ногу разнесет, в ботинок её все равно не засунешь, даже если наши дедуля с бабулей лыжу склеят! Хотя чего там клеить!

– Тогда точно надо идти за людьми, – повторил Петечка. – Я пойду.

– Не пойдешь!

– Я руководитель группы, и я запрещаю…

– Какой ты, на фиг, руководитель? Всё из-за тебя! Под ноги бы лучше смотрел!

– Хорош лаяться, мужики, – подал голос Сергей Васильевич. Он устраивал место под костер. – А ходить по одному не годится. Ветер поднимается.

– И чего?! Ждать, когда метель начнется?! – возмутился Петечка.

– Метель, может, и не начнется, но ветер подозрительный какой-то.

– Вот именно! Надо сейчас идти!

– Я запрещаю!

– Плевать я хотел на твои запреты!

– Мальчики, – пропищала Женька «девочкиным» голосом, – ну что вы ссоритесь? Ну как получилось, так и получилось! Ну завтра дойдем! А что?

– А то, что и завтра мы никуда не дойдём!

Весь оставшийся день, который показался всем странно коротким, Алла Ивановна и Сергей Васильевич, сидя на снегу голова к голове, собирали Володину лыжу, как хирурги раздробленную кость. На куске тряпки рядом с ними были разложены клей, бинты и еще какие-то штуки. Костер горел, и время от времени над ним грели клей, который то и дело застывал. Степан остервенело рубил дрова, притаскивал и складывал, Петечка бесился и грыз ногти, Диман кипятил воду, и её пили просто так, без чая и сахара, которых было мало, «на одну ночевку», как сказала Алла Ивановна, и ветер, проклятый ветер поднимался!

Ближе к ночи стало понятно, что метель всё-таки придет. Она уже совсем близко.

Алла Ивановна обошла палатку, проверяя растяжки. Когда Сергей Васильевич снизу вверх вопросительно кивнул ей, она только пожала плечами. Еды на ужин было мало, вдвое меньше обычного. Сергей Васильевич, назначенный в самом начале похода «завхозом», сказал хмуро, что еду нужно приберечь… на всякий случай, мало ли что, может, одной ночевкой дело не обойдется.

Петечка, которого колотило от холода, объявил, что никакого «всякого случая» не будет, и завтра утром он уйдет в Галыгино, и наплевать ему сто раз на метель, а Володя, баюкавший свою ногу, велел ему заткнуться.

– Да если б не ты, мы бы уже давно!.. – завел было Петечка.

– Так, всё, закончили, – вдруг приказала Алла Ивановна таким голосом, что даже Диман, пытавшийся дремать, вынырнул из своей куртки и посмотрел с удивлением, а Женька перестала ложкой хлебать из железной кружки теплую воду. Она говорила, что так вкуснее, больше похоже на суп или на чай. – Положение у нас сложное. Мы все должны это осознать прямо сейчас. Лыжу вроде собрали, до утра она подсохнет и какое-то время продержится. Ну, будем на это надеяться. Плохо, что до Галыгина почти всё время в горку! Если завтра мести будет не слишком сильно, попробуем пойти. Если нет, придётся ждать погоды.

– Какой погоды? – спросил Петечка, и губы у него задрожали. – А если её неделю не будет этой погоды?!

– Значит, неделю будем ждать.

– Мы за неделю с голоду сдохнем!

– За неделю не сдохнем, – отрезала изменившаяся до неузнаваемости Алла Ивановна. – С холодом хуже. Топлива мало, а в метель снаружи костер не разведешь. Придется экономить.

– Нет, ну это свинство, – плаксиво сказала Женька. – Как хотите!.. А вдруг мы все перемерзнем? А вдруг нас волки съедят? Здесь же наверняка кругом волки!

– Дура, – тихо, но отчетливо выговорил Диман, опять зарываясь в свою куртку.

– Нам нельзя сейчас ссориться, – и Алла Ивановна, дотянувшись, потрепала Женьку по плечу, как будто утешила, хотя чего утешать, всем ясно, что она дура! – Вот, бог даст, доберемся до Галыгина, и там поссоримся хорошенько. А сейчас нельзя.

– А что вы командуете-то? – спросил Степан из своего угла. – У нас руководитель отряда есть, чтоб ему!..

– Ивановна права, – поддержал Сергей Васильевич. – Давайте лучше песни петь.

– Ну, ясное дело, – констатировал Петечка. – Государственный переворот. Теперь пиши пропало, старперы будут учить нас жизни.

– Да не жизни, – с досадой сказала Алла. – Выживанию. Это совсем другое дело.

– Вы что? Совсем чокнутая?! Тогда каркали, сейчас каркаете! – взвился Петечка. – Какое еще выживание! Ну, переночуем, черт с вами, хотя надо было днем в Галыгино за людьми идти, а завтра…

– Завтра будет завтра, – перебила его Алла.

Марина зашевелилась и подобралась к Володе, который всё держался за ногу.

– Больно тебе?

Он скосил на неё глаза и кивнул.

– Я тебе сейчас обезболивающее уколю. Поспишь.

– Марин, – начала было Алла Ивановна, но та уже открывала рюкзак.

– Посветите мне.

– Марин, лучше бы завтра…

– Я врач, – отрезала та, – мне видней.

Ночь тянулась долго и трудно. Палатку трясло от ветра, как будто под ней работал дизельный движок, и Петечке, который всё не мог согреться, в мутной дрёме привиделось, что он едет в тряском вагоне, который тащит по рельсам бодрый чумазый дизелек, и это было так чудесно! И какая-то печка приснилась

ему с раскаленным докрасна зевом, чугунная дверца покачивается, и еще почему-то кусок сала, а рядом кирпич черного хлеба, и можно сколько угодно съесть этого хлеба с салом!..

Петечка вздрогнул, потому что рядом неловко повернулся и застонал Володя – он, единственный из всех, спал, Маринина ампула, видно, подействовала! И Женька спала между Аллой Ивановной и Мариной, посвистывала носом.

Утром выбраться из палатки оказалось почти невозможно – снегу намело, фартук не отстегнуть. Сергей Васильевич долго с ним возился. Он первым выполз в тусклый свет, в круговерть метели и ветра, за ним полезла Алла Ивановна.

– Женька, вставай, – велел Петечка, потому что ему было завидно, что никчемушная девица спит как ни в чем не бывало, и слегка пнул ногой её спальник. – Группа, подъём!

– М-м-м, – замычала Женька и завозилась, поглубже зарываясь в спальник. – А что, уже утро? Хочу кофе! И банан! И яблоко! Петечка, у тебя есть яблоко?

– Володь, как нога? – Это Марина спросила. Она стояла на коленях посреди палатки и пыталась пригладить волосы, торчавшие в разные стороны. Петечка в этом приглаживании увидел ложь и фальшь – красоту она наводит! Кому тут какое дело до её красоты?!

– Лучше, лучше нога, – торопливо сказал Володя. – Всё почти нормально!

Алла Ивановна задом вползла в палатку, вжикнула «молнией». Вместе с ней вполз холод и запах свежего снега.

– Ну, не так всё ужасно, как могло быть, – бодро объявила она. – Метет, конечно, но ничего такого!..

– Какого такого?! – Петечка рывком натянул непромокаемые штаны поверх двух шерстяных, в которых спал. – Идти нужно. Прямо сейчас.

– После завтрака пойдем, – сказал Володя. – Где Василич?..

– Снаружи. Костер разводит.

– Диман, крикни ему, пусть паек всем выдаст.

– Вроде подсохла, – Алла осмотрела лыжу. – Может, будет держать.

– Алла Ивановна, – на ухо ей сказал Степан. – Вы же понимаете! Мы не дойдем. Вам нужно оставаться, а я за помощью.

Она ничего не ответила, продолжала осматривать лыжу.

– Другого выхода нет, – продолжал Степан.

– Нужно искать выход, – она аккуратно отложила лыжу.

– Вы о чем? – настороженно спросил Володя. Нога у него сильно отекла, стала похожа на бревно, и ему страшно было подумать, что сейчас придется подниматься и идти, – много километров по снегу.

Он руководитель группы. Он должен.

Он отвечает за людей.

Самоуговоры не помогали. «Отвечать за людей» он умел – так ему казалось в московском офисе, и в характеристике, данной ему именитым психологом, было сказано, что у Владимира Кравцова присутствуют «ярковыраженные лидерские качества». В палатке посреди гор Приполярного Урала с распухшей, похожей на бревно ногой голодный, замерзший Володя вдруг понял, что «отвечать за людей» он не может, а главное, не хочет!

Он хочет, чтоб его спасли – эти люди или какие-то другие, неважно. Чтобы вдруг кто-нибудь взмахнул волшебной палочкой и оказалось, что все позади.

Крибле, крабле, бумс!.. И он уже в Москве, в чистом, теплом и просторном медицинском кабинете, и над ним склонились заботливые врачи, и ему больше ничего не угрожает, и нужно только принимать заботу и внимание, которые все вокруг готовы оказывать!

Выходит, он слабак и тряпка. Так выходит?!

Но рассердиться на себя тоже не получалось. Для того чтоб сердиться, нужны силы, а их почти не осталось, последние забирала боль, с которой тоже приходилось бороться.

А если он здесь погибнет? Если он так и останется в этой чертовой палатке, а остальные уйдут?! И весной случайная экспедиция найдет его останки, объеденные волками и медведями?!

– Я сейчас тебе еще укол сделаю, – сказала Марина и осторожно вытерла ему лоб, на котором выступила испарина. – Потерпи немножко.

– Марин, побереги обезболивающее. Послушай меня, я знаю что говорю!

– Я тоже знаю что делаю, Алла Ивановна!

На завтрак были галеты с крохотным кусочком сливочного масла и замерзший каменный паштет, который Сергей Васильевич выколупывал из банки большим охотничьим ножом.

– Вкусно! – сказала дура-Женька, слизывая паштет. – Вернусь домой, куплю себе десять банок и сразу съем!.. Вот будет красота!

– Понос у тебя будет, а не красота, – Диман разом проглотил свою порцию и разозлился – еда уже кончилась, а он даже не заметил, что она была.

– А ночью волк приходил, я слышала! – похвасталась Женька. – Правда-правда! С той стороны. Терся о палатку. А может, медведь.

– Если бы медведь приходил, нас бы уже не было, – мрачно отозвался Степан.

– Почему? – перепугалась дура.

– Сожрал бы, – объяснил Степан и обвел глазами людей. – Мужики, давайте решать, чего делать будем.

– Вы как хотите, так и решайте, а я в Галыгино пойду. С меня хватит, – заявил Петечка.

– Ты, Петь, не горячись, тут как следует подумать надо, – Сергей Васильевич аккуратно приладил отогнутую жестяную крышку, а банку припрятал. Диман проводил её глазами и тяжело сглотнул. – Если дальше метель разойдется, идти нельзя, а прогноза мы не знаем. И одному – куда?.. Всем вместе надо.

– Да как вместе, если у нас, блин, инвалид?!

– Предлагаю нам с Василичем пойти, а остальным остаться. Мы без рюкзаков в два счета до людей добежим, – и Степан твердо посмотрел на Володю, который собрался возражать. – Ну что, что?.. Какой из тебя ходок? Ты хоть сейчас-то логику включи!.. Командир, тоже мне…

Сергей Васильевич облизал ложку, осмотрел ее со всех сторон, вытер о штаны и сунул за ремень.

– Я не пойду.

– Как?!

– Ребят, – это Алла Ивановна вступила, ясное дело! – Во-первых, для начала нужно попробовать всем вместе дойти. Ты как, Володь? Сможешь?

– Смогу, – сказал тот, хотя был абсолютно уверен, что не сможет, и ему показалось, что все это поняли.

– За помощью посылать надо самых опытных. Опытных у нас…

– Сами, что ли, набиваетесь? – Петечка от отчаяния, что его не берут, не берут в Галыгино, до которого рукой подать, а там люди, печка, дизелек и сало с хлебом, чуть не рыдал. Он чувствовал близкие слезы, злые, горячие, даже голос у него изменился. – Я всё равно уйду, уйду!..

– Ну и сгинешь.

– Я не сгину! Это вы тут все!..

– Петь, ну чего ты? – «девочкиным» голосом спросила Женька, придвинулась к нему и взяла за руку. – Чего ты злишься-то так? Ну, подумаешь, метель, она же не навсегда! Переждем да и пойдем себе, как раньше! А сейчас отдохнем пока…

Петечка вырвал руку.

– Тебе надо, ты и отдыхай, а я пойду!

– Володя, давай попробуем ботинок надеть и на лыжи встать, – предложила Алла Ивановна как ни в чем не бывало, и Петечка понял, что всё будет так, как они скажут – она и Сергей Васильевич, – и их придется слушаться! И Степан это понял, и Володя.

На попытку приладить ботинок и лыжи ушло довольно много времени. Сильно мело, снег набивался в нос и рот, лепил под воротники и шапки, пальцы, стоило только сдернуть перчатку, моментально стыли, как будто их судорогой сводило.

Кое-как поставив Володю на лыжи, попробовали двигаться и вначале даже получилось!..

– Василич, вы идите потихоньку, – прокричала Алла Ивановна, отворачиваясь от снега, – а мы лагерь свернем и догоним! Только направление держите!

– До темноты все равно не успеем!

– С Богом!..

Лагерь свернули в мгновение ока, как будто от этого зависела жизнь, и двинули – первый Степан, последняя Алла Ивановна, подгонявшая никчемушную Женьку. Володю и Сергея Васильевича догнали быстро, идти они почти не могли. Обезболивающее действие Марининой ампулы заканчивалось, Володя старался терпеть, и все силы у него уходили на эти старания.

– Сколько мы прошли?

Алла махнула рукой.

Попробовали по-вчерашнему – Володя в середине, по бокам Степан и Диман, волочившие его под руки. Так шли еще какое-то время, медленно, монотонно, ничего не менялось перед глазами, только снег на земле, на небе и в воздухе.

Только снег, и больше ничего.

Потом вдруг Диман нелепо взмахнул руками – палка отлетела в сторону – и пропал.

Никто ничего не понял.

– Там вроде овраг! Он в овраг скатился!

– Стоп! Всем стоп!..

– Володя, стой на месте и не двигайся! Стёпа, держи его!..

– Дима-а-а! Дима! Где ты?!

Алла Ивановна сбросила с плеч рюкзак, подобралась, осторожно перебирая лыжами. Они тонули в свежих сугробах.

– Я здесь. Я жив.

– Встать можешь?!

Алла начала шаг за шагом спускаться по откосу, за ней, ступая по ее следам, двинулся Сергей Васильевич.

Петечка подошел поближе к Степану.

– Ты что, не видишь, куда прешь?! Походник чертов!

– Ничего я не вижу, – огрызнулся Степан, на котором, тяжело дыша, висел Володя. Он то и дело прикрывал глаза, подтягивал ногу, как раненая собака, и казалось, что он вообще ничего не понимает.

– Они нас угробят, ты понимаешь или нет?! – опять заорал Петечка. – Они нас всех угробят! За подмогой надо идти, а не ковыряться тут!

– Может, все же Диме помочь? – влезла Женька. – Он же такой большой! Как он вылезет?

– Там без нас помощников хватает! Всё! Я ушел!

– Стой, куда, придурок?!

– Я не желаю тут с вами сдохнуть! Я пока в своем уме!

Тут на уровне их ног показались две головы – совершенно одинаковые головы в капюшонах, шапках, застегнутые почти до глаз.

– Мужики, помогите!

Степан стряхнул Володю, который тут же сел в снег, и вдвоем с никчемушной Женькой за руки они вытащили Димана. Следом выбралась Алла.

– Димочка, ты не ушибся?

– Я лыжу потерял.

– Как?!

– Отстегнулась и уехала, как, как!..

– Там Сергей Васильевич ищет, – бодро сказала Алла Ивановна. – Слава богу, руки-ноги целы.

– Мы все тут замерзнем.

Они повернулись и посмотрели.

Володя сидел на снегу, закрыв глаза, и вид у него было неважный.

– Мы все замерзнем до смерти.

– Володя, ну что ты говоришь?.. Ну конечно, мы не замерзнем! Мы костер разведем, тепло будет, – сказала Женька.

– Заткнись, дура, – сквозь зубы велел Степан. – Так. Я иду за помощью. Кто со мной?

– Я! – моментально отозвался Петечка и скинул рюкзак.

– Хватит дурака валять, – жестко сказала Алла Ивановна.

– Мы не собираемся торчать тут и ждать, когда вы нас погубите! Мы уходим.

– Этого нельзя делать.

– Всё, поруководили и хватит! Теперь моя очередь. – Степан весь преобразился, подобрался, подтянул завязки на штанах, поглядывая на Петечку. – Если будешь отставать, возвращайся. Засеки направление. Я с тобой возиться не буду, некогда мне.

– Я не отстану.

Марина, присев на корточки, щупала Володину ногу. Он не открывал глаз.

– Ставьте палатку и ждите подмогу, – продолжал Степан. – Всё, я ушел.

– А как же мы? – спросила Женька «девочкиным» голосом. – А если на нас волки нападут?..

– Не нападут!

И они ушли!..

Какое-то время, очень недолго, в метели маячили красные куртки, а потом исчезли, растворились.

Из оврага показался Сергей Васильевич с лыжей в руке.

– Глубоко зарылась, – кряхтя выговорил он, выбираясь. – Ты, Диман, видать, когда падал…

Он оглядел притихших людей.

– Ё-мое!.. Ушли?! Ал, ты куда смотрела?! Пропадут ведь теперь!

– Мы все пропадем, – сказал Володя. – Точно!

– Так, поднимайся, парень, и двинем потихонечку! Давай-давай!..

– Я не могу.

– Чего там не могу, когда надо! Дим, лыжу-то надевай! Рюкзаки бери. Вот козлы, налегке ушли, всю снарягу бросили!.. Ах ты, мать честная! А если ночевать придется? Ни топоров, ни спичек не взяли! Ал, куда смотрела?!

И тут истошным голосом завопила Женька.

– Волки-и-и!.. Волки-и-и!!!

Марина качнулась и повалилась в снег. Диман схватил палку и занес её над головой. Сергей Васильевич молниеносным движением выхватил нож. Алла бросилась к Женьке.

– Волки-и-и! – кричала та. – Спасите-е-е!

Крупный волк неторопливо и как-то вальяжно трусил довольно далеко, на границе видимости, почему-то почти не проваливаясь в снег. Остановился,

подумал и повернул в их сторону. Тут он увяз, но всё равно приближался стремительно, как будто плыл саженками.

– Спасите! – пикнула Женька.

– Тихо! Он не подойдет. Нас много.

Тем не менее волк приближался. Марина вскочила и стала тащить Володю, который изо всех сил старался встать, но у него не получалось.

– Я боюсь его, боюсь!

– Фу ты! – вдруг выдохнул Сергей Васильевич и опустил руку. – Ох ты…

– Это не волк, – быстро сказала Алла. – Это не волк, ребята, это собака!..

Невиданный зверь сделал еще прыжок и остановился. Вильнул хвостом и двинулся снова, ныряя в снег.

– Собачка, – пролепетала Женька и всхлипнула. – Ты правда собачка?

Пёс приблизился, снова повилял хвостом, как будто приветствуя, обошел людей – они сторонились и смотрели на него во все глаза.

– Выходит, жилье близко? – сама у себя спросила Алла Ивановна. – Иначе откуда в лесу собака?

Пёс фыркнул, мотнул башкой и ринулся прочь по целине, туда, откуда пришел.

– Собачка! – закричала Женька. – Постой, ты куда? Отведи нас к людям!

– Жень, не голоси, – велела Алла. – Подождем, посмотрим.

– Ушел, – прошептала Марина. – И этот тоже нас бросил.

Все молчали, смотрели зверю вслед.

– Странное дело.

– А может, это наши уже дошли? Может, тут всё рядом? – затараторила Женька. – А? Люди, трактора, собаки! Может, они сейчас тоже придут?

Метель, от которой ломило в глазах и звенело в ушах, и больше ничего и никого не было видно, сколько они ни всматривались.

Нужно продолжать двигаться, но все как-то разом обессилели, даже разговаривали с трудом.

– Это из-за меня, – мрачно сказал Диман. – Надо было под ноги смотреть.

– Какая теперь разница.

– Ну он же вернется? Собачка вернется?

– Мы не знаем. Собираемся и пойдем потихоньку.

Никто не заметил, как из метели вынырнул лыжник – самый обыкновенный лыжник в красном комбинезоне, шапке и очках, как будто совершавший здесь, в уральских горах, увеселительную прогулку. Сквозь метель он двигался свободно и спокойно, а перед ним бежал давешний пёс!..

Женька увидела их первыми, стала хрипеть, давиться и показывать рукой, люди оглянулись и замерли.

– Здрасти, – прокричал человек издалека, подошел, как-то по-особенному ставя лыжи, и задрал на лоб очки. – Откуда путь держите?

Какое-то время все таращились на него, как будто с неба спустился марсианин, и понятно, что это именно марсианин, но все страшно рады его видеть, а потом разом заорали:

– Мы в походе! Уже десять дней! Мы рацию утопили!

– У Володи растяжение и лыжа сломана! Идти не может!

– Мы в Галыгино идем! И у нас еда почти кончилась!

– А вы откуда? Здесь что, жилье поблизости?

Лыжник слушал совершенно спокойно, пес крутился возле него, махал хвостом.

– Надо нам поторапливаться, – сказал лыжник как ни в чем не бывало, когда все перестали орать, – штормовое предупреждение еще вчера объявили. У вас… только один ранен?

– И еще двое за подмогой ушли.

Лыжник присвистнул. Сергей Васильевич выпростал из перчатки руку и протянул лыжнику.

– Здрасти. Сергей Васильевич меня зовут.

Лыжник тоже стянул перчатку и пожал его руку.

– Марк. Давно ушли?

– Да уж… с полчаса. В сторону Галыгина. Компас у них с собой, а рюкзаки они бросили. Если метель их застанет, плохо дело, заночевать не смогут…

Лыжник по имени Марк подумал немного и подозвал свою собаку.

– Вик, домой! Домой, Вик.

Пёс как ни в чем не бывало повернулся и, извиваясь в снегу, стал большими прыжками уходить в метель.

– Он не заблудится? – спросила глупая Женька. Всем было страшно, что собака уйдёт, и этот человек уйдет тоже, и они опять останутся одни.

– Не заблудится, – Марк мельком улыбнулся. – Тут всё близко.

– Как близко?!

– До лыжни метров двести, и по лыжне два восемьсот.

– До какой… лыжни?

Не отвечая, Марк присел на корточки перед Володей, осмотрел его ботинок и лыжу и вдруг сказал:

– Склеена хорошо, отлично просто!.. Ну, пошли.

– Откуда тут лыжня? – спросила Алла Ивановна. – Вы… точно знаете? До Галыгина пятнадцать с гаком, а вы говорите два!

– Два восемьсот, – поправил Марк. – До нашего кордона. До Галыгина не дойти, через перевал сейчас никак.

– Так наши в Галыгино ушли!..

– Догоним, – сказал Марк. – Догоним и вернем, не беспокойтесь.

Профессиональным движением он сдернул с плеча двустволку, на которую никто поначалу не обратил внимания, выстрелил в воздух и – оп-ля! – двустволка как будто сама по себе вернулась ему за спину.

– Ой! – Женька зажала уши ладонями. – Ой, как громко!

– Это хорошо, что громко, – успокоил ее Марк. – Зато кому надо, все услышат. На всякий случай. Хотя Вик Кузьмича и так приведет.

– Я не могу идти, – сказал Володя. – Я не могу, понимаете?

– Вставай, – велел ему Марк. – По целине потерпишь, а там легче будет. Ну, давай, давай!..

Он говорил и двигался столь уверенно, и ни у кого не возникло сомнений в том, что всё будет именно так, как он говорит.

– Парень, бери рюкзак. И ты, Сергей Васильевич!

– А Володю кто поведет?

– Сам пойдет, – сказал Марк. – А я помогу немного. Растяжение, подумаешь!

– Откуда вы знаете? Вы что, врач? – пробурчала Марина. Ей казалось, что очень уверенный в себе спасатель по имени Марк не верит или не понимает, что Володе больно, на самом деле больно!

– Я не врач, но это неважно. Пошли!

И они пошли!..

Марк вел Володю, держа обе свои палки в одной руке, они шли, почти обнявшись, в ногу, равномерно покачиваясь, и Марина, которая смотрела им в спины, всё боялась, что Володя упадет.

Но он не упал.

Совершенно неожиданно лыжи перестали проваливаться, и это было так странно – как будто они из воды выбрались на сушу! Не утонули, а, наоборот, спаслись!

– Ну, вот и лыжня, – сказал Марк как ни в чем не бывало. – Сейчас Кузьмича дождемся, и я за вашими отщепенцами сбегаю.

– Как… сбегаете? – спросил Диман.

– Откуда здесь лыжня? – спросила Алла.

– Володя, ты как? – спросила Марина.

– А ваша собака точно не заблудится? – спросила Женька.

Марк палкой показал куда-то в лес.

С горки сквозь снег несся пес, белый хвост мотался в метели, а за ним мчался еще один лыжник!..

Он не шел, а именно мчался, снежные вихри крутились за ним, и Алла Ивановна вдруг заплакала громко, изо всех сил.

Это было так неожиданно и так странно, что вся группа уставилась на неё.

– Ничего, ничего, – выговорила она и вытерла глаза рукавом. – Это я… так.

Человек подкатил, затормозил, «плугом» сведя концы лыж, поднял очки на лоб и спросил будничным тоном:

– Ты чего стрелял, Марк?..

– Один ногу растянул так, что идти не может, а еще двое в Галыгино ушли.

– Давно?

– Полчаса или чуть больше.

Они говорили, одновременно в четыре руки развязывая и открывая рюкзак, который принес второй. Туристы стояли, обступив их, безвольные и обессиленные. Алла Ивановна шмыгала носом.

В мгновение ока спасатели вытащили и раздали крохотные бутылочки, велев всем выпить. Все послушно выпили. В бутылочках была какая-то гадость, похожая по вкусу на фруктовый кисель. Из аптечки извлекли шприц.

– Что это? – встрепенулась Марина.

– Блокада. Чтоб ваш раненый до дома дострадал.

– Я утром ему колола анальгизин и…

Тут Марк и его напарник засмеялись – и Марине опять показалось, что смеются они обидно и именно на Володин счет!

– Анальгизин – это так, для самоуспокоения. А мы сейчас уколем, чтоб идти можно было!

– Давай сюда конечность, парень!

Марк всадил в Володину голень шприц прямо сквозь многочисленные штаны. Тот дернулся.

– Терпи, ну что ты? – укоризненно сказал второй, забрал шприц и аккуратно убрал обратно в рюкзак. – Сейчас быстрее ветра побежишь. Одно дело, что в подъем.

– Да какой там подъём, Кузьмич.

– Да какой ни есть, а они, видишь, все раскисли.

– Мы дойдем! – «девочкиным» голосом пообещала Женька.

– Вот ты умница какая! – похвалил Кузьмич. – Конечно, дойдем, никуда не денемся.

Моментально они собрали рюкзак и поменялись – Марк отдал напарнику ружье, а тот ему рюкзак и рацию. Потом Кузьмич выдернул откуда-то карту.

– Вы с гавриками где расстались? В картах кто понимает?

Алла подошла к нему и Сергей Васильевич тоже.

Карту трепало ветром.

– Ночевали мы вот здесь, а ушли они… Алла, глянь… Вот отсюда. Это овраг, да?

– По-моему, да. Мы после них совсем немного прошли!

– Так это рядом всё.

– Не-ет, – протянула Женька. – Это же, наоборот, далеко! Ну что вы?!

И дядьки посмотрели на неё с жалостью, как на убогую.

– Володя, – вмешалась Марина, на которую никто не обращал внимания, а ей хотелось, чтобы обращали. – Ты можешь идти?

– Могу.

– Точно?

Вместо ответа Володя оттолкнулся палками и прошел немного.

Кузьмич почесал бровь.

– Да по лыжне одно удовольствие!.. Хоть снежком и присыпало маленько.

– У него же нога…

– А у меня две, – сказал Кузьмич обидно. – Марк, ты… того. Отсюда влево забирай, их как пить дать влево снесло. Где вещи?

– Какие вещи?

– Гавриков ваших!

Алла подтащила Петечкин рюкзак.

– Вик, нюхай.

Пёс, все время крутившийся рядом, подошел и понюхал. Алле показалось, что он ухмыльнулся и кивнул – должно быть, из-за морочной метели так показалось!..

– Ищи, Вик! Ищи!..

– Марк, связь в пятнадцать. Ракетница с правой стороны. Волокуши где всегда.

– Понял, Кузьмич.

– Я до кордона их провожу и подскочу. Сигнализируй.

Марк опустил на глаза очки – и как не было их, – ни его, ни волшебной улыбающейся собаки. Напарник немного поглядел им вслед, вздохнул и обвёл глазами оставшихся.

Марине показалось, что он сразу сделался недоволен.

– Ну, двинем, что ли, экскурсанты?.. За мной, за мной! Тут слегка в горочку, зато по лыжне! Ты, дядя, замыкающим пойдешь, – велел он Сергей Васильевичу.

– Откуда среди леса такая лыжня? – Алла задыхалась, но старалась идти вровень с Кузьмичом.

– От ратрака. Мы ратраком прокладываем.

– А вы – это кто?

– Кузьмин Павел Николаевич мы, – представился Кузьмич. – А этот ваш давно конечность повредил?

– Вчера утром. Мы после этого почти ничего не прошли, метель началась.

– Бог милостив, это пока еще не метель. А гавриков зачем от себя отпустили?

– Они нас не спрашивали. Сами ушли.

– Насвоевольничали? – удивился Кузьмич. Он очень старался не торопиться и все время думал о Марке. – А руководитель группы чего проглядел?

– Вон наш руководитель. – Алла показала палкой на Володю, который шел бодро, даже не хромал.

– Да ладно! Правда, что ли?

Алла на ходу покивала.

– Чудеса! Что это за группа такая?!

Алле не хотелось рассказывать про группу, неловко было, но всё же пришлось:

– Из Интернета.

– Чего такое?!

– Группа собирается в Интернете. Есть специальные сайты для походников.

– Не для походников, а для покойников! – вдруг с сердцем сказал Кузьмич. – Кто это из Интернета сразу на зимний Урал прёт?!

Алла пожала плечами.

Теперь, когда отпустили ответственность и страх, она вдруг почувствовала себя очень усталой, старой, немытой, голодной. Пятка левая стерта почти до мяса – носок порвался, а она не стала останавливаться, поленилась, хоть и знала, что с ногами шутки плохи. Спина болит, перетрудила. Палец давеча обожгла у костра, когда клей для Володиной лыжи грели, саднит.

Который раз она себе повторяет – больше никогда в жизни, какие походы, сорок два года, на печи давно пора лежать, и все равно идет!..

Кузьмич оглянулся на растянувшуюся группу и закричал зычно:

– Работаем, работаем в подъём! Не отставай, дядя!.. Подтягиваемся! Раз, два! Раз, два!

Алла понимала, что вопрос глуп, в духе Женьки, но всё-таки спросила:

– А ваш Марк найдет Петю и Степана?

– Авось не иголка в стоге сена, найдет. Через перевал они уйти не могли, и Вик не подведет.

Алле казалось, что она ни за что не залезет в затяжной подъем, силы кончатся, упадет, и тут ей конец придет. То и дело она оглядывалась и приостанавливалась, как будто чтоб посмотреть, как там Женька. И Марина останавливалась, хотя Володя шел впереди и даже не оглядывался, и ей приходилось делать вид, что она тоже смотрит на Женьку. Диман пыхтел, сопел и не произносил ни слова – очень старался.

Кузьмич всех подгонял.

Сердце стучало часто и гулко, как будто работал дизельный движок – ту-ту-ту-ту-ту!..

А потом вдруг из-за ближайших деревьев взметнулась ракета, бабахнула в небе, озарив снег и ёлки красным.

– Да чего ты палишь, мы уж тут! – под нос себе пробормотал Кузьмич и снова группе во весь голос: – Терпим, терпим, почти пришли!..

Деревья расступились, и из метели, совсем близко, вырисовался островерхий дом. Окна светились, и дизель стучал – ту-ту-ту-ту!..

Дизель, а вовсе не сердце.

Кузьмич взял рацию и сразу ушел, оставив группу на попечении безмолвной фигуры в расшитом бисером свитере и мягких меховых сапогах. Фигуру звали Зоя Петровна.

– Гляньте, чего там у одного с ногой! – с крыльца велел Кузьмич. – И эмчеэсовцам сообщите, что туристы на нас вышли, еще двоих сейчас приведем.

Алла Ивановна как села в коридоре на пол, так и осталась сидеть, а Диман лег лицом вниз. Марина стягивала с Володиной ноги ботинок. Сергей Васильевич таскал в сени рюкзаки, а Женька стояла возле голландской печки, и её с головы до ног била дрожь.

Безмолвная Зоя Петровна помогла Сергею Васильевичу перекидать рюкзаки, вошла и аккуратно прикрыла за собой обе двери – уличную и в сени.

– Я не могу, – лежа на полу, выговорил Диман. – Я больше не могу.

Мягко и неслышно ступая, Зоя Петровна перешагнула через Димана, подошла к Женьке и, поворачивая её, как куклу, стянула перчатки, шапку и комбинезон. Женька не сопротивлялась. Покидав вещи на пол, Зоя Петровна перешла к Марине.

– Я сама, – вяло сказала та. – Не надо, что вы.

Зоя Петровна раздела и её тоже, а Алла не далась. К тому времени, когда та подступила к ней, она уже стаскивала рейтузы.

– Куда положить?

Молчаливая Зоя Петровна подбородком указала на кучу вещей.

С Диманом вышло сложнее, он был большой, тяжелый и не понимал, чего от него хотят, но Зоя Петровна справилась. Некоторое время посмотрев на Володю, который был почти в обмороке, она приняла какое-то решение, раздевать его не стала и сказала негромко:

– Женщины, за мной ступайте.

Подталкивая впереди себя Женьку и придерживая под руку Марину, Зоя Петровна куда-то повела их, и Алла поплелась за ними. Брели в полумраке довольно долго, спускались, держась за полированные перила и путаясь ногами. Женька всё тряслась.

Хозяйка – или кто она?.. – открывала перед ними двери, и вдруг оказалось, что они пришли в баню!

– В чане кипяток, в кадушке ледяная, – проинформировала хозяйка. – Сами справитесь или мыть вас?

– Сами, – хриплым голосом сказала Алла. – Мы сами, спасибо!

Даже в предбаннике было жарко, раскаленный воздух, пахнущий хвоей и свежей водой, забил нос. От неожиданного и щедрого тепла у Аллы волосы на голове зашевелились и тело покрылось мурашками.

Торопясь, как будто баня и тепло могут исчезнуть, пропасть, оказаться видением в ледяном метельном лесу, Алла затолкала Женьку и Марину в парную – они сразу повалились на выскобленные добела полки – и стала поливать их по очереди из ковшика.

– Господи, – прошептала Женка, слизывая с губ воду, – как хорошо… А вода не кончится?

Воды было полно, в каменной печи пылали дрова, в ушате мокли веники, в предбаннике стопкой лежали махровые полотенца – почти до потолка.

Куда они попали? В рай?! Именно так выглядит рай для замерзающих на Приполярном Урале туристов?!

Неизвестно, сколько прошло времени, должно быть, много, потому что, когда в очередной раз они выбрались в предбанник и рухнули в изнеможении на лавки, открылась дверь, и на пороге возникла давешняя Зоя Петровна.

– Не угорели? – осведомилась безразлично. – Нету вас и нету.

Она прошла и распахнула двойную форточку, в которую сразу повалил морозный пар. Женька сунулась к форточке – дышать.

– Женя, простынешь, – вяло сказала Марина.

– Мы уже выходим, – и Алла Ивановна заискивающе улыбнулась Зое Петровне. – Пора, да?

– Давно пора. Вещи здесь берите, – и хозяйка распахнула решетчатую дверь шкафа. – Снизу штаны, сверху свитера. Носки вон там.

– А наши? Наши вернулись?

Женька на лавке пристраивалась спать, и Марина из последних сил таращила слипающиеся глаза. Алла заставила их одеться, и по скользкой полированной лесенке они забрались наверх в широкий коридор, освещенный единственной лампочкой.

За толстой стеной дома, сложенной из круглых бревен, что-то сильно бабахнуло, коридор на мгновение залило красным, а Женька шарахнулась и вскрикнула:

– Ой!

Распахнулась дверь в сени, появилась Зоя Петровна и объявила:

– На подступах!..

– Где Володя? – спросила Марина. Ей было стыдно, что она совсем про него позабыла.

– Это который же Володя?

– У которого… который ногу повредил.

– Спит, – проинформировала Зоя Петровна. – А вы идите поешьте.

– Как спит?!

– Как люди спят. Умаялся. До утра не проснется.

– А Дима?

– Тоже задремал. Потом разбужу, с мужиками в баню сходит, и я его до утра положу.

– А мы… где? – это Алла Ивановна спросила. – Что это за место?

– Кордон «полста-три», – ответила хозяйка, как будто это всё объясняло. – Туда проходите.

Путаясь в чужих слишком длинных брезентовых штанах и волоча за собой Женьку, Алла пошла, куда показала Зоя Петровна, и пришла в просторную, в несколько окон кухню. И это была такая кухня, что Алла остановилась на пороге, Женька с разгону клюнула её в спину.

Всю середину занимала огромная, сложенная из речных камней плита с медным колпаком вытяжки над ней. В колпаке плавал свет отраженный лампы, а в плите пылали дрова. На закопченных конфорках помещались чугунок и сковорода диаметром, должно быть, в метр, и в ней что-то жарилось, пахло так, что у Аллы помутилось в голове от голода и вожделения. В буфетах с деревянными резными заборчиками были расставлены кувшины и тарелки, их отмытые цветастые морды улыбались. В простенке висели картины. В высоких, по пояс, подсвечниках горели толстые свечи. Длинный деревянный стол, выскобленный, как и стены, добела, терялся вдали. За ближним его концом сидел Сергей Васильевич, согнувшись в три погибели, и ел. Он оторвался только на секунду, оглянулся, промычал невнятное и продолжал есть.

– К столу, – пригласила хозяйка.

Алла Ивановна отодвинула ближайший стул – тяжеленный, будто из чугуна, – и приткнулась. И Женьку рядом приткнула.

Без Женьки она чувствовала себя совсем неуверенно.

…Как это называется? Кордон «полста-три»?..

Развернулась скатерть-самобранка, сами собой из воздуха явились цветастые тарелки, салфетки, длинные граненые стопки, стаканы, кувшин с морсом и штоф водки.

Алла потрясла головой. Женька осторожно потрогала тарелку. Марина выпрямила и без того прямую спину. Сергей Васильевич ел.

В чугунке оказалось тушеное мясо, а в метровой сковороде жареная картошка.

Тут стало ясно, почему Сергей Васильевич не может ни говорить, ни двигаться. Еда оказалась так вкусна, что ничего этого делать не стоило, можно было только есть, есть, наслаждаясь, насыщаясь, тяжелея, соловея!..

– Как вкусно, – простонала Женька с набитым ртом. – Ох, как вкусно! Вот спасибо-то! Что это за мясо такое необыкновенное?

– Как что? Кабан.

– Какой дивный кабан!.. Вот молодец кабан!

Они ели еще долго, и, должно быть, лопнули бы, но тут где-то в отдалении загремело, застучало, бабахнули двери, забасили голоса.

– Что это? Наши пришли? – спросила Алла, перестав жевать, но безмолвной Зои Петровны уже и след простыл.

Алла бросила вилку, отодвинула тяжеленный стул, и Марина стала подниматься, и даже Сергей Васильевич, а Женька всё продолжала жадно запихивать в рот мясо и только пробормотала виновато:

– Я сейчас, сейчас.

Они друг за другом выбрались в коридор, где было очень много народа, холодного воздуха, рюкзаков, лыж, запаха леса, где между людьми моталась улыбающаяся собачища, хвост мел по бревенчатым стенам, коленям

и наваленным вещам, и столпились растерянной кучкой.

– Управились, мужики? – спрашивала Зоя Петровна буднично, принимая лыжи, палки, двустволку.

– Нормально всё, – отвечал кто-то из них. – В обратную сторону долго ковырялись. Ветер встречный и подъем.

– Баня топлена.

– Подождите, Зоя Петровна, что-то я без сил.

– Ты?! – Это уже другой удивился. – Когда ты в последний раз был без сил, Марк?

– Кузьмич, эмчеэсовцам доложи, что все на месте.

– Доложено, – проинформировала хозяйка. – Вы как в горку стали подниматься, я на связь вышла, упредила.

– А вы откуда знали, что мы в горку стали подниматься, а?!

– Мне ли не знать.

Скрипели двери, все двигались, шевелились, возились, и в тусклом свете единственной лампочки растерянная Алла никак не могла рассмотреть ни Петечку, ни Степана.

– Велено передать прогноз. Первый заряд прошел, к утру уляжется. А потом второй придет, серьёзный, – доложила Зоя Петровна.

– Да ну их к шутам! Опять заряд!

Кузьмич прошагал в глубину коридора и тут только заметил толпу ранее спасенных.

– Приветствую! – зычно провозгласил он и сдернул с бритой башки красную вязаную шапку. – Живы? Целы? Сыты? Мыты?

И Алла, и Марина и даже глупая Женька смотрели на него во все глаза. Женька, кажется, икнула.

Лесной человек с хриплым голосом выпивохи и распоряжалы, который был так недоволен тем, что вынужден их спасать, который понукал их, как пастух стадо ленивых баранов, без лыжных очков, куртки до глаз и шапки до носа оказался совсем молодым, обветренным, загорелым, сероглазым!..

– Чего такое? – спросил он, оглянулся и дернул плечом – не понял, почему они на него уставились. Потом зачем-то сунул Алле узкую длинную красную ладонь и представился заново:

– Кузьмин Павел.

– Алла, – глупым «девочкиным» голосом отозвалась Алла Ивановна.

Кузьмич, оказавшийся Павлом, немного подержал её руку, потом выпустил и скрылся за одной из многочисленных дверей и там загрохотал.

Алла посмотрела на свою ладонь.

– Получите отещепенцев! – весело сказал второй и как-то странно, как будто за шкирку, выволок на середину коридора Петечку и Степана.

Петечка был совсем плох – бледен до зелени или до синевы, или так показалось под светом единственной лампочки? Он всё время сглатывал, кадык ходил ходуном, глаза как будто подернуты плёнкой, словно у умирающей птицы, колени подгибались.

Степан то и дело наклонялся вперед, упирался руками в колени, словно не мог отдышаться.

Зоя Петровна уже ловко расстегивала на нем куртку, стаскивала ее с плеч, поворачивала его в разные стороны.

Марина подошла, взяла Петечку за руки и посмотрела в глаза.

– Петя! Петя, ну!

– Ничего, – сказал Марк. – Он идти совсем не мог, я его всю обратную дорогу на себе волок.

– Вот и без сил, потому что его на себе волок! – громко заявил из-за стены Кузьмич. – Чего в такие походы соваться, если на ногах прямо стоять не можешь?!

– Петя, посмотри на меня! Стёпа, всё закончилось! Всё в порядке. Не знаю, может, глюкозы им уколоть? – озаботилась Марина.

– Вон у нас в углу кактус японский! – Кузьмич возник в коридоре, в руках у него был трос, который он наматывал на локоть. – Можно на кактус посадить, эффект будет тот же самый!

– Отстань от них, Кузьмич.

Тут они все как по команде повернули головы и посмотрели на второго. Он усмехнулся.

– Здрасти, дамы.

Этот второй тоже оказался обманщиком!.. Широкоплечий, поджарый, как будто из цельного куска отлитый, темные отросшие волосы падают на глаза. Он улыбался, и у глаз собирались мелкие морщины, которые не старили его, наоборот, от них он казался совсем молодым, странно молодым.

…Как это называется? Ковчег «полста-три»?.. Учет, нет, кордон!..

– В баню, мужики. Я ту истопила, которая в доме.

– Правильно сделали, Зоя Петровна. До дальней в метель не дойдешь.

Тут все разом пошли куда-то и потащили за собой Петечку и Степана, так и не произнесших ни звука, и Сергей Васильевич, про которого все забыли, потопал следом, – Алла Ивановна, Марина и Женька посторонились, встали к стенам.

– А можно я пойду и еще немножечко поем? – на ухо спросила Женька Аллу.

– Чего ж нельзя, – отозвалась издалека все услышавшая Зоя Петровна. – Милости просим.

Она за руку привела Димана, который щурился на тусклый свет и тыкался по сторонам.

– Туда ступай, за мужиками.

– Куда мы попали? – Марина подошла к перилам и посмотрела вниз, куда уходили ступени полированной лесенки. – Где мы?.. Что это за место?..

Их разбудил нарастающий мерный рокот – тра-та-та-та. Чуть отдалится и снова нарастает – тра-та-та-та.

– Выключите, – прохныкала Женька, не просыпаясь. – Ну что такое?..

Алла открыла глаза, уверенная, что кордон «полста-три» ей привиделся во сне, и ожидая увидеть мутный полумрак и нейлоновый полог палатки, присыпанный сверху снегом.

Нет никакого полумрака и нейлонового полога.

В большой комнате светло и очень свежо. Стены, сложенные из круглых бревен, большое окно, а за окном все белым-бело и ёлки, засыпанные снегом.

Алла села. Всё тело гудит, как под напряжением, ноги и руки ватные, чужие. Она потёрла лицо – изо всех сил.

Рокот опять надвинулся из-за окна и, делая над собой усилие, Алла встала, подошла и посмотрела.

Над лесом кружил вертолет – тра-та-та-та!..

Метели не было, сыпал мелкий частый снег, и сквозь этот снег на круглую расчищенную площадку с огромной нарисованной черным буквой «Н» заходил на посадку вертолет.

Алла прижалась лбом к ледяному стеклу, и внутри головы стало как будто немного просторней.

Высокий человек в красной куртке стоял возле площадки и, задрав голову, смотрел в небо.

– Что там такое? – спросили сзади, и Алла ответила:

– Вертолет.

Марина подошла и тоже стало смотреть. От её дыхания стекло запотело, Алла протерла.

Вертолет примерился и аккуратно приземлился в центр буквы «Н». Снег разносило в разные стороны, человек отступал и закрывался рукой. Лопасти стали вращаться медленнее, их уже можно было различить. Поехала в сторону дверь, из кабины кто-то выпрыгнул и побежал к высокому человеку. С разгону они обнялись.

Пилот в стрекозином глазу кабины сдергивал наушники, показывал большой палец и делал какие-то знаки тем, кто снаружи.

Та-та-та, договорили лопасти и остановились.

– Куда мы попали, а? Может, это засекреченная военная база?

– Непохоже, Марин.

– Вы бывали на военной базе, Алла Ивановна?

Это спросила прежняя Марина, ироничная, немногословная, деловитая – врач до мозга костей. Не та, что вчера повалилась в парной на лавку, и Алле пришлось некоторое время отливать её водой!

Женька спала на кушетке, разметавшись под лоскутным одеялом, как в обмороке, – рот приоткрыт, дышит редко и глубоко.

Кроме кушетки, были еще кровать, на которой ночевала Марина, и Аллин диван. Диван был разложен, и – убей бог! – Алла не могла вспомнить, кто и когда его раскладывал и как они все трое вообще попали в эту комнату!

– Может, вертолет за нами прислали?

– Кто прислал, Марин?

– Не знаю. МЧС.

Алла еще посмотрела на улицу. Двое шли по дорожке к дому, разговаривали, жестикулировали и смеялись.

– Вряд ли. Да мы все в него и не поместимся!.. Нужно выйти, узнать что к чему.

– А где наши рюкзаки, не знаете?

Алла не знала. Она вообще ничего не знала и не понимала!

Тут ей пришло в голову оглядеть себя.

На ней были её собственные трусы, которые она именовала «походными» – монументальные, крепкие, способные вынести любые испытания, – чужая футболка с вытертой надписью, а больше ничего.

То есть её еще и раздели на ночь!

Она посмотрела на Марину – ту тоже раздели, – а потом обе они огляделись по сторонам. Возле спальных мест аккуратными кучками была сложена их вчерашняя одежда – брезентовые штаны, свитера и носки. У Аллы был белый свитер с узором, а у Марины черный с полосой.

…Чудеса. Чудеса в решете.

Нет, не в решете. Чудеса на кордоне «полста-три»!

Они проворно оделись и друг за другом, крадучись, как кошки, вышли из комнаты и оказались на лестничной площадке. В одну сторону уходил коридор, как две капли воды похожий на тот, в который их вчера по очереди затаскивали «лесные люди», а с другой была широкая дверь с совершенно неуместной, гадкой алюминиевой табличкой, извещавшей, что «Посторонним вход воспрещен. Только для персонала».

Некоторое время они изучали табличку.

– Для какого персонала? – почему-то шепотом спросила Марина. – Они тут все персонал, что ли?

Алла Ивановна ничего не ответила. Она хоть и не понимала происходящего, но весь её жизненный опыт подсказывал, что люди на кордоне «полста-три» никакой не персонал, а именно хозяева.

Они держатся, как хозяева, разговаривают, как хозяева, и выглядят, как хозяева.

Только вот хозяева чего?.. Тайги? Приполярного Урала?

Внизу топали, доносились приглушенные голоса.

– …Пурга к вечеру придет, второй заряд, а ты на вертолете!

– …Да ведь успели до заряда, проскочили!

– …Кто вас выпустил только!

– …А мы без спросу, Кузьмич! Без спросу! Мы сами себе диспетчерская служба!

– …Терпеть не могу самодеятельность эту!

– …А кто ночует-то у вас?

– …Да турьё какое-то безмозглое! Понесло их в тайгу! Баб набрали в Интернете, и вперед!

– Надо спуститься, – решительно сказала Марина. – Я это слушать не желаю.

Алла Ивановна, пристроившись за ней, только вздохнула.

…Желаем мы слушать или не желаем, всё равно придется. Потому что мы пострадавшие, а они спасатели. Мы навязались им на шею, а не они нам. Они метались по лесу за нами, а не мы за ними! Теперь держись.

Разговаривали, кажется, в кухне, и когда Марина, а за ней Алла Ивановна показались на пороге, голоса смолкли.

– Доброе утро! – громко и уверенно сказала докторица. – Давайте знакомиться. Меня зовут Марина.

– Да уж день давно, – пробурчали из глубин кухни. – И мы вчера познакомились.

Павел-Кузьмич, Кузьмич-Павел стоял над бескрайней плитой из речного камня, опершись о край большими обветренными руками. В центре плиты топился самовар. Из самовара валил дым, уходил под колпак медной вытяжки. Собеседник Кузьмича, прилетевший на вертолете, среднего роста, крепкий, в золотых очках, сидел за бескрайним столом и поднялся, когда Марина вышла на авансцену.

Алле показалось… нет, она была совершенно уверена, что этого, в золотых очках, откуда-то знает, видела много раз, но она не могла его знать и видеть!..

– Игорь, – представился знакомый незнакомец. – Какие милые дамы!

– Да? – удивился Кузьмич. – Дамы, вы милые?..

Марина улыбалась очень определенной улыбкой.

Она терпеть не могла, когда посторонние, особенно мужики, фамильярничали и интересничали, как будто имели на это право!

– Алла Ивановна, – представилась Алла.

– Обязательно по отчеству?

– Как угодно.

– А что? – наддал Кузьмич, посмотрел на нее и ухмыльнулся. – Я вот всю жизнь Кузьмич, и ничего, мне отлично.

– А где наши… товарищи?

– Ваши товарищи в сознание еще не приходили, – проинформировал Кузьмич. – Вы первые очухались.

– Может, кофейку? – Игорь предупредительно отодвинул стул, возможно, даже каблуками щелкнул бы, если б на унтах были каблуки. Блеснули в зимнем свете его золотые очки.

Все это напоминало сцену из спектакля.

Алла подошла и уставилась на самовар.

Кузьмич-Павел по одной подкидывал в самоварное горло щепки из плетеного короба, тянуло дымом, сладко, вкусно.

– Мы из Москвы, – продолжала Марина, старательно играя в спектакле. – Такой у нас поход в этот раз получился… неудачный.

– Как же неудачный? – Игорь сделал приглашающий жест и посторонился, пропуская её. – Наоборот, удачный! Могли замерзнуть и не замерзли!.. Повезло.

– Наш командир в ручей провалился, лыжу сломал, – тут Марина вспомнила про Володю.

Господи, как она могла забыть, она же врач!.. У неё на руках пострадавший, а она спит, ест, ведет никчемные разговоры!

– Где Володя?

– Спит Володя, – ответил Кузьмич.

– Не может быть, у него сильно травмирована нога. С такой болью…

– Нету у него никакого боли, – сказал Кузьмич, морщась от дыма. – Мы ж с Марком его вчера кололи! Он и спит.

– Да, но действие препарата должно закончиться…

– Как закончится, так он встанет.

– Можно? – спросила Алла и вытащила из короба щепку. Ей очень хотелось тоже топить самовар.

– Ну, подложите. Он сейчас закипит.

– А Марк где? – поинтересовался очкастый Игорь.

– Где ему быть! На трассе. Как ветер улегся, так и ушел.

– Мне бы поговорить с ним, – став озабоченным, сказал Игорь. – И с тобой тоже. Я за этим и прилетел.

– Да ясное дело, что не на нас любоваться!.. Вернется, поговорим. Он сегодня часа на два. Вчера не добрал! Хотя с этими гавриками ухандокался. Вы чего

желаете, чай, кофе?

– Кофе, – ответила Марина, обидевшись на то, что Марк вчера с ними «ухандокался».

– Чай, – сказала Алла, решив, что чай у них наверняка таежный, вкусный.

Еще один человек в унтах и распахнутом летном реглане возник в кухне. Он вволок громоздкие рюкзаки – в каждой руке по одному, желтый и красный.

– Здравия желаю, – сказал человек. – Игорь Ильич, добро куда девать?

– Давай сюда.

Человек опустил рюкзаки на пол, в них что-то грохнуло, как будто они были нагружены камнями.

– Антон, – представился человек в реглане и посмотрел на Аллу без всякого интереса, а на Марину с некоторым намеком на интерес.

– Это наш летчик-вертолетчик, – подхватил Игорь. – Между прочим, отличный пилот! Рекомендую. Если кому-нибудь понадобится куда-нибудь полететь по срочному или секретному делу, обращайтесь только к нему! Не подведет.

Алле Ивановне почудилась в этой рекомендации какая-то фальшь, неправда, как будто очкастый Игорь за что-то был недоволен своим пилотом и давал ему понять, что недоволен.

Летчик-вертолетчик скинул реглан на ближайший стул и стал развязывать рюкзаки. Кузьмич взглянул и опять уставился на самовар:

– Чего ты натащил опять, Игорь?..

– Гостинцы! Я же в гости летел.

По одной Антон вытаскивал из желтого рюкзака высокие бутылки и составлял на край стола. Кузьмич заваривал чай, гремел посудой. Марина смотрела в окно, а Алла на «гостинцы».

Бутылок получилось что-то много, дальше начались банки и пакеты, тугие свертки и длинные палки, упакованные в холстину. Из красного рюкзака явились апельсины в сетке, белый виноград в коричневой бумаге, красные крепкие яблоки россыпью – Алла сглотнула, так захотелось яблока! – а потом опять пошли какие-то свертки.

Подошел Игорь, развернул холстинную палку и трепетно понюхал.

– Салями, – сообщил он с благоговением. – Из Милана привёз! Собственноручно выбирал! Всё для вас, ничего не жалко!

– Это мы знаем, – сказал Кузьмич, и опять Алле почудилось что-то такое, неискренность или ирония. – Пропали бы без тебя, как пить дать.

…Какие они тут проворачивают дела, на кордоне «полста-три»? Что это за человек на вертолете, у которого ловкий и оборотистый пилот? Почему ему «ничего не жалко» для «лесных людей», обитателей ковчега? Куда ушел Марк, на какую трассу?.. Что тут может быть за трасса посреди тайги, снегов и сопок? Нефтепровод? Газопровод «Северный поток»?..

– Пустите.

Фигура по имени Зоя Петровна ловко отстранила Кузьмича от плиты, и дальше все стало происходить само собой – из воздуха появились тарелки, чашки, салфетки, затрещали дрова, загорелся огонь, запахло вкусной едой.

Игорь вовсю ухаживал за Мариной.

– А давайте сыру и салями?.. Ну что, яичницу с салом? И шоколаду! Я привез бельгийский шоколад. Антон, где шоколад?.. Как ж вы оказались в тайге? Вы экстремалка?

– Я врач.

– Какая прекрасная, прекрасная профессия! Самая благородная на земле! А вы какой врач? Детский?

– Я кардиолог.

– Кузьмич, ты слышал? Эта прекрасная девушка кардиолог!

– Я слышал.

– А вы лечите все сердечные болезни или только некоторые?

Марина, которая терпеть не могла, когда незнакомые мужики выделывают вокруг неё пассы и строят всякие куры, отвечала довольно холодно, что нынче можно вылечить любую сердечную болезнь, главное – не упустить время.

– А если время уже упущено, Мариночка? Как же я узнаю? Вдруг моё сердце надорвано? Может быть, вы посчитаете мне пульс? Он наверняка зашкаливает! Как это называется, когда пульс зашкаливает?

– Тахикардия.

Марина поднялась, подошла к окну и сделала неприступную спину. Игорь подмигнул Антону, который складывал пустые, как будто сдувшиеся рюкзаки, и тоже пристроился глядеть в окно. Очки у него сверкали весело.

– Как вам мой вертолет? Отличная машина! Начинали-то мы все на «Робинсонах», они как родные. Ну, как «Жигули». Я на «Жигулях» ездить учился. Вот времечко было, а, Кузьмич?..

– Я на грузовике учился. В армии «Жигулей» не выдавали.

– И устойчивый, и надежный! Нам ветер не ветер и снег не снег! Потому что Антон дело знает лучше всех.

– Красивый вертолет, – подала голос Алла Ивановна, потому что Марина всё молчала. – Как он называется?

– «Еврокоптер». А начинали все на «Робинсонах», помнишь, Антон? Этот как «Жигули»!

Зоя Петровна взволокла на стол объемистый расписной чайник.

– Хлеба зачем натащили? У нас свой, печеный.

– Сыр и салями, Зоя Петровна, полагается есть с французским багетом!

– Вам видней.

– Можно мне яблоко? – не выдержала Алла. – Одно.

Кузьмич взял яблоко, ополоснул из ковшика и протянул, холодное и увесистое. Алла некоторое время любовалась яблоком – с красного бока ей на штаны накапали студеные капли.

– Яичня, – объявила Зоя Петровна, и перед носом у Аллы появилась тарелка.

…Наплевать. На всё наплевать. На правила хорошего тона, необходимость делать «неприступную спину» и не менее неприступное лицо, на вопросы, которые ее мучают и их всё больше, а ответов пока никаких, на незнакомых людей, которые кажутся знакомыми, и на их непонятные разговоры. Яичница с ломтем черного «печеного» каравая важнее. Нет на свете ничего важнее яичницы, вот что.

Алла щедро посолила ржаной ломоть, вздохнула и стала есть яичницу с салом, заедая хлебом – именно есть, а не завтракать и не угощаться. Время от времени она длинно вздыхала, переводила дух и прикрывала глаза.

Павел – который Кузьмич – сидел напротив, прихлебывал из кружки чай и посматривал на неё с интересом зоолога, изучающего рацион лемуров, отряд «приматы», подотряд «мокроносые обезьяны».

Ну и наплевать, наплевать на всё!..

Марина так и стояла у окна, только теперь рядом с ней изо всех сил старались оба, и Игорь, и пилот Антон.

Это они еще Женьку не видели. Всё впереди.

– Иностранная колбаса, – проинформировала Зоя Петровна собравшихся, и на столе появилась широкая и гладкая доска, на которой – Алла проглотила яичницу и еще раз взглянула – всё было идеально и в полном соответствии с правилами. Прозрачные ломтики салями, наломанный руками багет, треугольники сыра, веточка белого винограда и горстка грецких орехов.

…Кто эти люди среди тайги?! Что тут такое делается?!

– Это вы ножом так нарезали? – спросила Алла про салями.

Зоя Петровна ответом её не удостоила, очевидно ввиду крайней глупости вопроса.

Хоровод и ритуальные танцы от окна переместились к столу. Марина села, и кавалеры пристроились по обе стороны от неё. Игорь пользовался некоторым преимуществом, как начальник, но и пилот Антон не зевал.

– Марина, а вы где практикуете?

– Я не практикую, я работаю. В Бакулевском центре.

– Ничего себе! Такая молодая и уже в таком месте работаете! Туда не всех берут, только самых лучших.

Тут она первый раз искренне улыбнулась:

– Это правда.

И взяла с доски кусочек багета и лепесток салями.

– Яичню кому еще?

Алла вздохнула:

– Можно мне, если больше никто не будет.

И обвела глазами всю компанию. Кузьмич вдруг засмеялся, и было понятно, что – над ней. Поднялся и налил ей чаю в большую кружку. Какой любезный!..

Алла доела яичницу, немедленно захотела спать, поняла, что так дело не пойдет, решительно поднялась и предложила Зое Петровне:

– Давайте я посуду помою.

– Сами управимся, мы привычные.

– Может, в бане убрать? Там вчера столько народу было!

– Убрано давно.

– Хотите вертолет посмотреть? – весело предложил Игорь Марине и повернулся к Алле. – И вы… тоже?.. Хотите?

Было совершенно ясно, что он позабыл, что ее зовут Аллой.

– Можем даже прокатить над лесочком, пока второй заряд не пришел. Прокатим, Антош? Тут такая красота кругом!.. В Альпах, конечно, тоже красиво, но самая красотища в Кордильерах! Вы там были?

Как ни странно, ни Алле, ни Марине в Кордильерах бывать не приходилось.

– Вот где природа в её первозданной красоте! Вот где размах! Вот так летишь над горами, а там буйство красок, особенно в ущельях, и думаешь – зачем живем, к чему стараемся? Всё равно лучше природы ничего не придумаем! Нужно быть к земле поближе, от цивилизации подальше, сразу в голове проясняется. Я им сколько раз предлагал, – тут он подмигнул Кузьмичу, – дислокацию поменять, а они ни в какую!.. Застряли здесь и сидят, как…

– Зоя Петровна, дизель через часок запустим, – перебил его Кузьмич довольно резко. – Обойдетесь пока?

– Чего там, не в первый раз.

Игорь внимательно посмотрел на него, хотел что-то сказать, передумал и опять приступил к Марине:

– Покатаемся?

– Соглашайтесь, не пожалеете, – поддал пару Антон.

– Спасибо, – поблагодарила Марина, – но у нас пострадавший. Я не знаю, в каком он состоянии. А вы когда собираетесь лететь обратно? Может быть, его придется в больницу отправить.

– Отправим, не вопрос.

– Сейчас метель придет, – сказал Кузьмич уже в дверях. – Никто никуда лететь не сможет.

– Это мы еще посмотрим! У меня пилот – высшей категории!

– А ну тебя!..

Он махнул рукой и вышел. Алла подумала, вышла следом и окликнула:

– Павел Кузьмич!

– Павел Николаевич я. По фамилии Кузьмин. Можно просто Кузьмич.

Алла приблизилась, всем свои видом выражая почтение. Почтение и благодарность.

– Павел Николаевич, я понимаю, что мы вам тут… не к месту.

Он пожал широкими прямыми плечами, но не возразил.

– Ну вот, – торопливо продолжала Алла. – Сейчас наши встанут, и нужно обсудить, как нам отсюда… выбираться.

– Никак, – сказал он. – Метель только начинается, придется пережидать. Перевалы все закрыты. Связь пока есть, но того гляди пропадет.

– А метель надолго?

Он вдруг развеселился:

– Да кто ж её знает! Она с нами не советуется. Бывает три дня, бывает неделю. По всякому бывает. Ждать надо.

Алла кивнула. Посмотрела ему в лицо и решилась:

– А что это за место? Ну, вот это всё!

– Кордон «полста-три», – ответил он, не моргнув глазом. – Если вам заняться нечем, можете свои лыжи под навес перетаскать. Они все перед крыльцом остались. Заметёт их или ветром разбросает. Тут ветра сильные.

– Конечно, – согласилась она, – конечно, сейчас всё сделаю!

– Да это не к спеху.

– Нет, нет, я сейчас же…

Он взялся за ручку ближайшей двери. В полутемном коридоре было много дверей.

– Валенки и пуховики в кладовке на вешалке, берите любые.

Шагнул внутрь и плотно прикрыл за собой дверь.

…Кордон «полста – три» – и точка! Понимай как хочешь!..

Алла огляделась по сторонам. Никого не было видно, только из кухни доносились голоса – там продолжалась карусель, – и кто-то храпел в отдалении, выводил рулады.

Поколебавшись, Алла пошла в другую сторону – не туда, где сени и кладовка с валенками, – и пришла в большую комнату, выходившую окнами в лес. Здесь были как будто сумерки. Высоченная голландская печь занимала весь простенок, огромная, как белый слон. Рядом вровень с подоконником сложены дрова и отдельно – береста в плетеном коробе, тоже горой. На светлых лиственничных полах истоптанные шкуры, медвежьи и еще какие-то, кажется, волчьи. Самая длинная стена сплошь заставлена книжными стеллажами, от пола до потолка – мать честная!.. Кругом высокие кованые подставки с толстыми оплывшими свечами, должно быть, без электричества на кордоне «полста-три» остаются часто. На диванах еще какие-то шкуры, меховые одеяла и толстая книга страницами вниз. Алла подошла и, вывернув шею, прочитала название. Ярослав Гашек, «Похождения бравого солдата Швейка».

За окнами не переставая валил снег, лес был весь засыпан снегом, и так захотелось пристроиться на диван под меховой плед, повздыхать, взять книгу и читать про Швейка с той самой страницы, где открыто, и чувствовать, что засыпаешь, и знать, что всё хорошо, все просто замечательно, беды и опасности, хоть и бы всемирный потоп, остались за глухой и надежной стеной ковчега.

Что-то сильно стукнуло, забрякало железо.

Алла вздрогнула и оглянулась.

Перед голландской печкой на корточках сидела невесть откуда взявшаяся Зоя Петровна, совала в чугунный зев дымящуюся бересту. Береста весело трещала.

– А я тут… просто так. Смотрю, – растерянно сказала Алла.

Береста разгоралась, Зоя Петровна ловко уложила на решетку несколько поленьев и вышла, не промолвив ни слова. Алла проводила её глазами.

Странные люди, загадочное место.

Впрочем, у неё есть дело – перетаскать лыжи под навес. И раз уж они все неожиданно возникают из воздуха и появляются под самым носом, как болотные духи, просто так соваться во все двери подряд в поисках кладовки она не станет!

– Зоя Петровна!

На этот раз болотный дух возник прямо у неё перед носом.

– А где можно валенки найти? И куртку?

Зоя Петровна молча прошла мимо и толкнула дверь.

Валенки, унты и пимы стояли в ряд вдоль стены, на вешалке было десятка два разномастных курток. Алла недолго рылась, нашла более или менее подходящие и вышла на улицу.

Метель усилилась, белое небо надвинулось, как будто пузом легло на кордон «полста-три», и ветер пришел, деревья в лесу под горой мерно раскачивались. Алла поглубже натянула шапку, задрала голову и посмотрела вверх.

Снежинки летели ей прямо в глаза, очень много, густо, часто.

Если бы не волшебная собака, умевшая кивать и улыбаться, если бы не лыжник по имени Марк и его странный товарищ Кузьмич, они сейчас были бы наедине с этим снегом и холодом без надежды на помощь и спасение. Они боролись бы, конечно, – в меру своих сил, – но едва ли им удалось бы победить. Они слишком ничтожны и самоуверенны, а снег и ветер слишком равнодушны и сильны. Им нет никакого дела до людей, попавших в беду в этих горах.

– Какое счастье, что мы здесь, Господи, – прошептала Алла в белое небо. – Спасибо тебе.

Она кругом обошла дом, широкий, устойчивый, сложенный из ровных круглых бревен на высоком каменном фундаменте. По всему периметру дома через

стальные кольца был протянут морской канат, и такой же канат вился вдоль дорожек, на железных столбиках. Алла улыбнулась. Должно быть, метель здесь – частая гостья. В некотором отдалении за деревьями она увидела еще какие-то строения и пошла в ту сторону. На свежем снегу её валенки оставляли ровные овальные следы. Под горкой, чуть пониже, оказался еще один дом, поменьше, рядом с крыльцом поленница в высоту стен и ангар – самый настоящий.

Что у них там может быть? Истребитель? Луноход?..

К маленькому дому Алла не стала спускаться, вспомнив, что болотные духи где-то поблизости и могут наблюдать за ней.

Навес, под которым стояли большие деревянные сани и еще одни, поменьше, на широких полозьях, снеговые лопаты, метлы с длинными ручками, верстак с прикрученными тисками и еще много всякого добра обнаружилось с другой стороны большого дома.

Алла сначала собрала все палки и оттащила туда, потом стала чистить от снега лыжи. Ей попалась Володина лыжа, которую они собрали с Сергеем Васильевичем, и она мельком подумала – хорошая работа.

Она несла под навес первую партию, когда на дорожке показался человек в красной куртке. В руке у него была большая пластиковая штука, похожая на рацию, должно быть, спутниковый телефон. Из-за белой мглы Алла не разглядела, кто это.

– Нет пока, – громко говорил человек на дорожке. – И людей принесло на мою голову левых! Откуда я знаю! Их бы турнуть отсюда, зачем нам лишние глаза и уши! Только куда сейчас турнёшь? Метель, мать её! Если не уговорю, значит, заставлю!..

Алла замерла с лыжами в руках.

– Заставлю, да!.. Он тоже, знаешь, человек, а раз человек, значит, ему жить охота!.. Всё, давай, до связи!

Неизвестный посмотрел по сторонам – Алла подалась назад в тень, под бревенчатую стену, – сунул телефон в карман и выругался негромко, но отчетливо.

…Кто это? Кузьмич по имени Павел или кто-то из двоих прилетевших, Игорь или Антон? Они все тут в красных куртках и шапках до глаз! Кого он должен уговорить или заставить? Что значит – охота жить?..

Человек за пеленой метели постоял еще немного и пошел под горку, к маленькому дому и ангару. Алла из-под стены проводила его глазами.

…Нужно рассказать Сергею Васильевичу или Марине. Впрочем, Марина вряд ли станет её слушать.

Вторую партию лыж она ухватила как-то на редкость неловко, прижала обожженный палец, затрясла рукой. Лыжи загрохотали по настилу, разъехались в разные стороны.

– Да что такое!

Она стала собирать лыжи и оказалась нос к носу с громадной собачищей, смотревшей заинтересованно – медвежья голова с маленькими глазками, белый хвост мотается из стороны в сторону.

– Привет, – сказала Алла, не разгибаясь. Пёс склонил голову набок и сел. Широкие мохнатые лапы со страшными жёлтыми загнутыми когтями были перед самым её носом. – Ты меня не разорвешь?

Пёс переложил голову на другую сторону, всё так же заинтересованно.

…Северные собаки не нападают на людей. Северные собаки существуют для того, чтобы оберегать и спасать людей – от зверя, от метели, от лавины!.. А эта собака для чего существует? Чтобы оберегать и спасать или чтобы рвать?..

Может быть, в лесу чужих она спасает, а на своей территории разрывает на куски?..

Алла осторожно выпрямилась. Пёс напружинил спину.

– Ты хороший, – похвалила Алла, пытаясь сообразить, что теперь делать. – Ты нас вчера спас, помнишь? Ты нас нашел, людей привел. Ты нам улыбался даже!

Она держала лыжи в охапке, стараясь не двигаться, чтобы они опять не поехали из рук и не загрохотали. Они загрохочут, и собака бросится!..

– Вик, ты чего там? Да вы не бойтесь, он пообщаться пришел! Он не укусит!

Пёс ухмыльнулся во всю пасть, фыркнул непочтительно, как будто удивлялся – разве можно его заподозрить в такой глупости, кусаться без всякого повода! – поднялся и потрусил на голос.

Группа людей поднималась с той стороны, куда ушел человек со спутниковым телефоном, их было довольно много. В группе она первым делом узнала Павла Николаевича – Кузьмича, – потом Игоря в золотых очках. Марк, ушедший утром на какую-то трассу, видимо, вернулся, потому что тоже был с ними, и пилот Антон, сменивший реглан на красный пуховик. Пёс подбежал и затесался в их компанию.

– Здравствуйте! – издалека прокричал Марк и сунул Кузьмичу пластмассовую штуковину, похожую на спутниковый телефон. – Забери.

Алла проводила штуковину глазами. Выходит, это Марк разговаривал на дорожке? Но он только что пришел из леса! Или он уже давно появился?..

– Поговорил, Марк?

– Да так. Связь плохая, почти не слышно.

– Катание на вертолете отменяется! – весело сказал Игорь. – А жаль! Я бы с удовольствием показал вам и вашей подруге настоящую лесную сказку с высоты птичьего полета! Теперь ничего не выйдет, снег повалил. Ну ладно, мы в следующий раз!

– Игорь Ильич, я свои вещи к Кузьмичу пока положил.

– Правильно сделал, Антоша! Всегда ты всё правильно делаешь!

– Хоть бы меня спросили, – это сказал Кузьмич, и голос был недовольный.

– А чего нам тебя спрашивать! Где надо, там мы спросим, а где не надо, сами разберёмся. Да, Марк?

– Ты лыжи мои посмотри, Кузьмич. На спусках два раза падал, – попросил Марк.

– Странно. Я с утра и температуру, и снег проверял.

Широко ступая, Кузьмич подходил к крыльцу, рассовывая по карманам пластмассовые коробки. Их было две. Выходит, и Кузьмич мог разговаривать о том, что им не нужны лишние глаза и уши!

…Или здесь у каждого по спутниковому телефону?

Кузьмич сгреб лыжи, Алла посторонилась немного.

– Эти тоже давайте.

Алла по одной подала ему лыжи.

– А наши там что? Не знаете? – спросила она.

– Встают, полдничают. Все нормально.

– Ваш доктор оказывает пострадавшим и утомленным медицинскую помощь, – весело сообщил Игорь. – Марк, ты знаком с доктором? Только уговор – этот кадр мой! Кто первый встал, того и тапки!

– След видел, – сказал Марк, приближаясь, и Кузьмич посмотрел на него внимательно. – Сегодняшний, вчерашние все замело.

– Опять приходил?!

Марк забрал оставшиеся лыжи, Аллины собственные.

– Кто приходил? – не выдержала она. – Чьи следы?

– Волк у нас есть, – пояснил Кузьмич и пошел за дом. – Отчаянный.

– Что значит отчаянный?

– Есть такие волки-убийцы. Которые и на зверей, и на людей нападают просто так. Из спортивного интереса. Жажда убийства у них.

– Он с Виком однажды связался. Давно, года два назад, – добавил Марк. – Вик не дался, порвал его. И теперь кто кого.

– Стережет он Вика, – издалека продолжал Кузьмич. – Хочет начатое закончить. Не волк, а подлец. Сволочь последняя.

– А пристрелить? – спросил Игорь, навострив уши.

– Пытались, но он хитрый. За ним специально идти надо, а нам всё недосуг как-то.

– Конечно, вы люди государственные, занятые!.. Что, Антоша, друг, сходим, добудем волка? Пока наши тут делами важными занимаются?

Марк даже остановился:

– Какой волк в метель?!

– Ты же следы видел!

– Я утренние видел, когда не мело, а сыпало!.. Сейчас как ты его поднимаешь? Наверняка залёг.

– Вы охотники? – спросила Алла.

– И собаководы! – поддакнул Кузьмич.

– А я бы всё равно сходил. – Игорь прикуривал от золотой тяжелой зажигалки, отворачивался от ветра. – Он матерый, волк-то? Матерый волк – добыча знатная.

– В другой раз добудешь.

– Другого раза, дорогой ты мой, может ведь и не случиться. Мало ли где мы в другой раз… окажемся!

Опять почудились Алле какие-то намёки, недосказанность, тайна!.. Будто бы даже противостояние – эти двое, Марк и Кузьмич, по одну линию, а Игорь и Антон по другую.

Она вернулась в дом, где было очень тепло, раздавались голоса и топот.

– Алла Иванна! – Сергей Васильевич появился в коридоре, когда она стягивала валенки. – Ты откуда взялась?! Я тебя потерял.

– Лыжи под навес перетащила.

Это не совсем соответствовало действительности, но ей нравилось, что она занималась делом, работала, а все остальные дрыхли.

– Как наши?

– По-разному, – ответил Сергей Васильевич. Глаза у него были веселые. Следом за Аллой он заглянул в кладовую с унтами и пуховиками. – Ты мне скажи, куда это мы попали-то, а? Не знаешь?

– Пока не знаю.

– Пойдем, чего покажу.

Сергей Васильевич прошагал по коридору, толкнул дверь и вошел уверенно, как к себе домой. Алла помедлила на пороге.

– Заходи, чего? Мы тут ночевали.

Эта комната была абсолютно «мужской» в отличие от другой, «женской», где ночевали Алла с девицами. Кругом ужасающий беспорядок, раскиданные вещи, разбросанные покрывала, смятые постели и очень холодно – форточка распахнута. Пахло шерстью свитеров, снегом с улицы и немного мужчинами. Здесь были два дивана и кресло-кровать. На кресле аккуратной стопкой сложены подушки и пледы. Алла развеселилась.

– Ты в этом кресле спал, Сергей Васильевич?

– А? А, ну да. Ты погляди сюда, Алла Ивановна.

На деревянном столе под окном Сергей Васильевич раскинул карту, а сверху еще одну. Алла подошла, прикрыла форточку и посмотрела.

– Ну? Увидала?

– Куда смотреть-то?

– Да ты куда хочешь смотри, Ал, а только этого места ни на одной карте нет. Ни на маршрутной… – он зашуршал бумагой и скинул карту на пол, – ни на эмчеэсовской. Не существует его в природе.

– Подожди, такого быть не может.

– Сам знаю, что не может, только нету его, и всё тут!

Алла провела пальцем. Ну да, всё правильно.

Вот отсюда они вышли. Господи, по карте получается, что и прошли-то всего ничего!.. Вот в этом направлении двигались. Вот Васюганская горка. Во-он там, подальше, Тугаринские сопки и перевал. В эту сторону на Галыгино тоже через перевал, до которого они так и не дотянули.

– Ну? И ты тут наблюдаешь хоть какой-нибудь кордон?

– За перевалом кордон, – растерянно сказала Алла. – И вон еще один, «восемнадцать-двенадцать»! Да него сколько получается? Верст шестьдесят?

– То-то и оно, что никакого «полста-три» нету! Ты маршрутную карту тоже посмотри, посмотри, Алла Ивановна!

…Но такого быть не может. Эти карты не врут никогда. На них всегда наносят населенные пункты, заимки, лесничества, сторожки, брошенные посёлки! На всякий случай, мало ли что! Здесь, в горах Приполярного Урала, так мало людей и так много опасностей, что любая землянка, пещера, избушка могут спасти жизнь!

Алла согнула карту пополам и вторую тоже согнула, пристроила рядом и стала сверять.

– Да чего там ты сверяешь, Алла Иванна! Нет «полста-три»!

– Как нет, когда он есть! Мы же здесь.

И они посмотрели друг на друга.

– А шут знает, где мы есть, – сказал Сергей Васильевич серьёзно. – Ты видела в тайге кордоны с вертолетными площадками, ангарами и доминой двухэтажной посередке? А пока нас сюда не вынесло, их тут всего трое обреталось! Мужики эти и дух ихний бессловесный, тётка в пимах.

Алла еще посмотрела на карты.

…Вот это совсем странно, прав Сергей Васильевич. Может, правда секретная военная база?!

– И Володьке нашему они чего-то такое укололи, ну вчера, помнишь?

– Конечно, помню!

– Так он всю ночь проспал сном младенца! Нет, Алла, ты в походы всю жизнь ходишь, ты мне ответь – так бывает, чтоб одного шприца, почитай, на

двенадцать часов хватило, а?.. Это чего там такое должно быть, в препарате том?

Тут Алла Ивановна рассердилась – именно оттого рассердилась, что Сергей Васильевич был прав.

– Они нас из тайги спасли, – возмутилась она, – к себе привели. Накормили, напоили, спать уложили! А ты какое-то следствие затеял не ко времени!

– Выбираться нам отсюда надо, вот что, – вдруг заявил Сергей Васильевич. – Ты сама подумай. Уж больно место странное. Я в ихних делах участвовать не хочу и секретов ихних знать не желаю.

– Ну что ты говоришь, Сергей Васильевич!

– Я знаю, что говорю. Мало ли групп в горах пропадает! Сгинем мы… через этот кордон «полста-три», и не найдёт никто. Потому что и кордона этого нету!

– Зачем они тогда нас спасали?!

– А может, им того только и надо, заманить!.. Может, мы чего видели, что нам видеть не полагалось, или слышали! Вон каждому ночью укольчик сделают, а утром в тайгу сволокут, как и не было нас. Они ребята приспособленные, каждое дерево им тут знакомо, каждый овраг!

– Сергей Васильевич, ты от усталости умом тронулся. Или от недосыпания.

– Сейчас, конечно, не уйти, метель поднялась, но глядеть в оба надо. И откуда мы знаем, что они с МЧС связывались? Это же они нам так сказали! А вертолет? Кто на нем прилетел, зачем? К чему такая спешка? Вечером мы появились, а утром уже – готово дело! – вертолет! Или они решить по-скорому должны, чего с нами делать, и для этого начальство вызвали?

Алла вышла из «мужской» комнаты.

Незатейливое утреннее любопытство сменилось тревогой, колючей, как шерсть белого свитера с узором, который вчера в бане ей выдал бессловесный болотный

дух.

У Сергея Васильевича, конечно, паранойя, но кордона на картах действительно нет, а так не бывает, не может, не должно быть!..

…И что это означает? Что и кто тут скрывается? Военные? Ученые? Бандиты? Старатели, открывшие бриллиантовые россыпи и поставившие себе цель утаить от мира месторождение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-ustinova/kovcheg-marka-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити